

STUDIA

TÜRKOLOGICA

S	
	T

Научное общество
Факультета международных отношений
Воронежского государственного
университета

S t u d i a T ü r k o l o g i c a

Воронежский тюркологический сборник

II

Воронеж
2007

УДК 94 / 82.1 / 811.512.1
ББК 63.3(0)4 / 63.3(0)53
S 90

Редакционная коллегия:
асп. А.А. Баутин,
преп., к. полит. н., А.А. Киреев,
преп., к.и.н. М.В. Кирчанов,
доц., к.и.н. О.В. Шаталов

Он-лайн версия:
<http://ejournals.pp.net.ua>

Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник / ред. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2007. – Вып. 2. – 104 с.

© НОФМО ВГУ, 2007
© Авторы, 2007
© Перевод, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	
Кӓрчан Макӓмӓ СОВЕТИЗАЦИЯ ЧУВАШСКОГО ТЕКСТА, ФОРМОВКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ (дискурсы литературного модерна в Чувашии в 1917 – 1930-е гг.)	6 – 15
Ю.С.Худяков ИРАНско-ТЮРКСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СИМБИОЗ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	15 – 25
ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ (языковая проблематика в исследованиях 1980-х годов)	
Н.З. Гаджиева К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ	27 – 39
ЗАРУБЕЖНАЯ ТЮРКОЛОГИЯ	
Arnold REISMAN THE STORY BEHIND THE STORY OF TURKEY'S MODERNIZATION: REFUGEES FROM NAZISM AND ATATÜRK'S VISION	41 – 50
ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Н. ВАСИЛЬЕВ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА	51 – 57
И. БОРОЗДИН ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРО- ДОВ СССР	59 – 63
СОВРЕМЕННАЯ ТЮРКСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА	
Агдас БУРГАНОВ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ ТАТАР В СОВРЕМЕННЫХ УС- ЛОВИЯХ	83 – 94
ТЮРКСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ	
Сєспєл Мїшшї НАСТАНЕ ЧАС	65 – 66
Владїмїр Степанов ЗМІЯ	66 – 81
BOOK REVIEWS КРИТИКА, ОБЗОРЫ, БИБЛИОГРАФИЯ	
Michael Meeker Sibel Bozdoğan. Modernism and Nation Building: Turkish Architectural Culture in the Early Republic. Studies in Modernity and National Identity Series. Seattle and Lon- don: University of Washington Press, 2001. xii + 367 pp. 240 illustrations, notes, bib- liography, index.	96 – 100

I

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Кӑрчан Макӑмӑ

СОВЕТИЗАЦИЯ ЧУВАШСКОГО ТЕКСТА, ФОРМОВКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

(дискурсы литературного модерна в Чувашии в 1917 – 1930-е гг.)

Начало XX века было отмечено важными политическими процессами в жизни Российской Империи. Активизация национальных движений, общий кризис системы имперской администрации и неудачи в первой мировой войне привели к распаду Империи. Политические перемены сопровождались изменениями и в культурной жизни, где утвердился модернизм. Кризис империи и утверждение модерна способствовали и трансформации национальных идентичностей нерусских народов. Они становятся более современными, а культура начинает играть все большую роль в качестве канала транслирования идентичности. Первая четверть XX века – это эпоха трансформации национального дискурса в той части Европы, где распалась Российская Империя, уступив свое место СССР.

Канадский украинский историк Мырослав Шкандрий в одной из своих работ высказал интересное предположение о том, что в эволюции дискурса национальной культурной жизни нерусских народов можно выделить два этапа – этап неконтроля дискурса со стороны властей и этап покорения дискурса, его принудительной интеграции в советский культурный канон. Шкандрий использовал эту дихотомию для изучения украинской истории, хотя методология, на которую он опирается, кажется вполне применимой и для изучения истории других нерусских народов, например, для истории чувашской литературы. Чувашский культурный дискурс достаточно хорошо исследован в категориях традиционного исторического или литературоведческого понимания. В категориях того понимания, которое мы находим, например, у М. Шкандрия, эта проблема практически не исследована. Но переложение этой методики на изучение новейшей истории Чувашии может оказаться продуктивным и дать результаты.

Революция 1917 года привела к демонтажу старых имперских нарративов, использовавшихся для описания роли и месте нерусских народов. Если раннее имперская администрация определяла нормы их поведения, то теперь они сами стали выстраивать свою культуру как свою собственную не интегрируя ее в новый советский канон. Это не означало того, что местные чувашские интеллектуалы обрели полную свободу – они были вынуждены проявлять свою лояльность, подчеркивая ее своим творчеством, акцентируя на нее внимание в своих произведениях. Такая ситуация привела к тому, что свобода относительно быстро прошла и чувашский культурный дискурс был интегрирован в большой советский канон, пришедший на смену имперскому.

Революция в России привела к тому, что политическая ситуация в национальных регионах стала определяться местными нерусскими, ранее исключенными из политической жизни, этническими сообществами. Если ранее культурный дискурс был представлен немногочисленными газетами культурной ориентации, то революция резко политизировала общественный дискурс в Чувашии. В такой ситуации стали выходить новые газеты на чувашском языке – «Канаш» («Совет»), «Чухӑнсен сасси» («Голос бедноты»), «Сӗнӗ пурӑнӑс» («Новая жизнь»), «Сутталла» («К свету»), «Хӗрлӗ салтак» («Красный солдат»), «Хресчен сӑмахӗ» («Крестьянская речь»), «Чӑваш коммуни» («Чувашская коммуна»), «Юлташ» («Товарищ»), «Самраӑк коммунист» («Молодой коммунист»). В 1919 году начал выходить журнал «Шарӑмпуш» («Заря»). Позднее на чувашском языке также в Казани стали издаваться и другие журналы – «Ана» («Нива»), «Сӗр ёсӗлен» («Хлебороб»). Кроме этого вышло два номера литературного журнала «Атӑл юрри» («Волжская песня»). В Москве с 1922 по 1926 год выходил журнал «Ёсӗленсен сасси» («Голос трудящихся»). Чувашский литературный ландшафт стал развиваться в условиях наличия тенденции к национализации чувашской культурной жизни. В такой ситуации чувашский культурный дискурс становится более чувашским – чувашская периодика («Пирӗн юлташ», «Сунтал», «Капкан») начинает издаваться и в Шупашкаре.

Активно действовало «Чувашское национальное общество», органом национального движения стала газета «Хыпар», писав-

шая о необходимости проведения широких реформ в Чувашии. Стали звучать идеи создания чувашской национальной автономии. «Хыпар», выходявшая под девизом «Пётём Чăваш, пёрлешёр!» («Чуваши, объединяйтесь!»), позиционировала себя как идейный центр чувашского национального движения. Чувашские интеллектуалы, почувствовав национальное освобождение, сменили лояльную ориентацию на национальную. Газета «Хыпар» призывала сохранять национальное единство: «чуваш един тем, что он чуваш». Стала культивироваться идея особого чувашского мира – без классовой вражды и социальных противоречий: «чувашам нечего делить между собой». На волне национального подъема И. Тхти писал, что «силен будет люд чувашский, коль един он духом будет». Параллельно местные интеллектуалы поняли, что можно управлять и без русской администрации. В связи с этим А. Милли писал: «не надо слушаться русских, а то опять обманемся и осраимся на весь свет». А. Турхан, в свою очередь писал, что «из всех народов всего мира да здравствует единственный чувашский народ»¹.

Политические перемены изменили и дискурс чувашского языка. Чувашские интеллектуалы стали прилагать немалые усилия к его развитию, стремясь сохранить его чувашский характер и модернизировать. Национально ориентированные авторы попытались использовать исторический шанс и утвердить чувашский язык как национальный, отдалив его от русского. В таком контексте они обратились к народным говорам, народному языку. На волне этого интереса они попытались утвердить в качестве литературной нормы такие слова как «канаш» (вместо заимствованного «совет»), «чухансем» вместо «пролетариат». Один из кульминационных моментов этой тенденции – попытка утвердить термин «пуласси» («будущность») вместо «социализм». В данном случае мы наблюдаем смыкание модернистского интеллектуального импульса с футуристским.

На волне революционных процессов и демонтажа старых институтов меняется идейное содержание чувашского культурного дискурса. Чувашские интеллектуалы, с одной стороны, становятся более национально настроенными. При этом они уже не скры-

¹ *Хыпар*. – 1917. – № 1 – 4, 35, 62; *Хыпар*. – 1918. – № 9.

вали своей откровенной национальной ориентации. С другой, социальный нарратив развивается наряду с целым комплексом модернизационных нарративов – чувашские интеллектуалы требуют не просто реформ и улучшения социального положения чувашского народа, они культивируют идеи не просто социального равенства, но широкой программы социальных перемен, которые могли привести к радикальной модернизации чувашского сообщества в направлении современной нации.

В такой ситуации чувашские авторы усиленно подчеркивают свою лояльность, стремясь позиционировать себя как часть официального большого советского канона – например, во время борьбы с Колчаком один из чувашских левоориентированных интеллектуалов отметил поэмой «Колчак»², призванной акцентировать внимание на революционных добродетелях чувашей. Поэтому, чувашаи позиционируются как революционная нация, заинтересованная в радикальном отказе от всего старого. В таком контексте чувашский литературный дискурс – дискурс со значительным модернизационным потенциалом, дискурс утверждения всего нового.

Социально-модерновый компонент в поэзии сочетался с национальным. Призывая к реформам, призывая чувашей быть современными чувашские интеллектуалы не забывали и о национальных истоках. Такая современная чувашская культура должны быть вдвойне чувашской – и традиционной, и национальной. Поэтому, чувашские авторы могли начинать с обращения к родной земле, к «родным полям», но могли продолжить развитием социально ориентированного нарратива о смерти старого и рождении нового мира³. Чувашский литературный дискурс 1917 – 1920 годов развивался в условиях дихотомии – сочетания национального и революционного. В произведениях этого периода много фольклорных элементов, которые сочетались с типично агитационными здравицами в честь партии и Красной Армии⁴.

В большинстве подобных произведений революционной поры лейтмотивом проходит идея о расколе времени на две эпохи, на два мира – старый и новый. Прошлое осознавалось как время

² *Тӓхти. Колчак. – Казан, 1919.*

³ *Шарӓмпуҫ. – 1920. – № 1.*

⁴ *Чухӓнсен сасси. – 1919. – 12 апреля.*

страданий, а настоящее и будущее – как утверждение нового строя. В творчестве С. Эльгера в роли такого водораздела выступает Октябрь⁵. Сам Эльгер стал одним из форматоров нового официального дискурса безусловного признания позитивности всего советского и негативности всего несоветского – дореволюционного и национального, которое было сложно интегрировать в советский канон. Новому порядку соответствовала и новая идентичность, точнее – новый тип лояльности политической идентичности. Такой новый мир должен был базироваться на революционном романтизме и объединять все народы в «коммуну труда»⁶.

С другой стороны, чувашские интеллектуалы стремились утвердить нарратив о необратимости изменений, о том, что модернизационные процессы, направленные на решение социальных проблем и создание новой современной чувашской нации, необратимы⁷. Воображая такую нацию, чувашские интеллектуалы преподносили ее как единый национальный организм, который не знает классовых противоречий. В такой ситуации, на волне национального подъема, они противопоставляли чувашей и русских, акцентируя внимание на национальном единстве чувашей в то время как русская культура для них была ареной непрерывной идейной борьбы⁸. В то же время чувашские интеллектуалы пытаются переосмыслить образ старой чувашской деревни, с которой, как они понимают, им предстоит расстаться, так как она обречена на быстрое умирание в условиях модернизации. Поэтому, в рамках чувашского культурного дискурса возникают образы чувашской архаики, традиционного крестьянского быта, замкнутости. Чувашский писатель Ф. Павлов (1892 – 1931) в комедии «В суде»⁹ мысленно прощается с такими чувашами, которые в своей жизни ничего кроме родной деревни не видели.

К середине 1920-х годов, когда стало очевидно, что советская национальная политика, направленная на развитие нерусских культур, вероятно, лишь тактическая уступка, которая будет

⁵ Эльгер С. Самана. – Шупашкар, 1928. – С. 15.

⁶ См.: Сироткин М.Я. Очерк истории чувашской советской литературы. – Чебоксары, 1956. – С. 55.

⁷ Тăхти. Колчак. – Казан, 1919.

⁸ Сунтал. – 1925. – № 3.

⁹ Шарăмпуç. – 1919. – № 5.

иметь временный характер – некоторые чувашские интеллектуалы попытались вырваться за рамки усиленно формирующегося официального дискурса. В такой ситуации некоторые интеллектуалы, например Педер Хузангай, пытаются вырваться за рамки советской цензуры: «песнь – моя жизнь, песнь – мое сердце, сирота без песни я в мире большом, песнь – мое горе, песнь – моя радость, я рожден для песни и ни для кого»¹⁰. Их стихи становятся лирическими, наполненными тонкими и глубокими личностными переживаниями. На страницах таких стихов они переживали двойную трагедию – собственную и национальную. Тенденция солидаризации с народом, попытка реанимировать идейные искания опираясь на национальные традиции оказалась неудачной. Вскоре чувашские интеллектуалы принудительно через репрессии и принуждение были интегрированы в официальный дискурс. И уже тот же Хузангай пишет о чувашах, как посланцах нового социалистического мира.

В 1930-е годы советский режим средствами цензуры и давления пытается интегрировать национально ориентированных чувашских интеллектуалов в официальный советский литературный контекст. Советская цензура вытесняет национальные мотивы, заменяя их советскими, идеологически выдержанными. «С кем? За кого? За советскую власть или против нее? Друг он или враг революции? Третьего не дано. На середине не удержишься»¹¹, – говорит один из героев пьесы «Садур и Илем» (1933) И. Максимова-Кошкинского, словно подчеркивая, что в новом советском обществе свободный выбор невозможен, что интеллектуалы не в праве выбирать не только свою идентичность, но и то как ее транслировать литературными средствами. Поэтому, уже в первой половине 1930-х годов чувашские интеллектуалы вынужденно согласились с тем, что их чувашская идентичность станет частью советской, а культуры только одним из национальных дискурсов советской литературы.

В начале 1930-х годов поэзия П. Хузангая оказывается окончательно прирученной, и поэт смиряется и соглашается со своим статусом поэта, воспевающего советский режим. Хузангай начинает транслировать новый образ Советского Союза и давать отпор

¹⁰ Хузангай П. Уяртсан. – Шупашкар, 1928. – С. 34.

¹¹ Сунтал. – 1933. – № 1 – 5.

«клеветникам». Он усиленно культивирует образ СССР как страны, где расцветают национальные языки и культуры. Отвечая на публикацию в одной из французских газет о том, что в Чувашской АССР чувашаи не понимают переведенные на чувашский язык произведения В.И. Ленина, Хузангай писал, что «нашего Ленина мы понимаем не хуже чем евангелие, каждое слово Ленина нам служит орудием верным»¹². Ленин интегрировался в чувашский литературный контекст, который в свою очередь, будучи вписанным в советский, превращался в средство пропаганды и идейного противостояния двух типов идентичностей – советской и западной.

Победа советского дискурса над национальным привела к тематическим изменениям в чувашской литературе. Поэтому, чувашские авторы отходят от национальных мотивов в своем творчестве и вынужденно делают выбор в пользу официально санкционированных тем, в том числе – они начинают интегрировать в чувашский литературный ландшафт образы коллективизации. В осмыслении коллективизации в категориях официальной культуры в 1930-е годы были замечены В. Краснов-Асли¹³, М. Трубина и другие чувашские авторы. В. Митта бросил призыв о том, что надо донести до чувашского читателя роль «ударников новых, артельных полей»¹⁴.

В творчестве М. Трубиной мы наблюдаем почти классический вариант включения чувашской культуры в советский канон: восприятие схематично и заключено лишь в несколько образов-клише. В повести М. Трубиной «Мучар»¹⁵ кулак Мучар, когда в его деревне начинают организовывать колхоз, продает имущество и под видом бедняка переселяется в другую деревню, где и проникает в колхоз, чтобы вести там антиколхозную агитацию, но группа молодых комсомольцев разоблачает его. В драме «Идет» она показывает раскол семьи, когда один из ее членов из-за своей несознательности отказывается вступать в колхоз и потом, осоз-

¹² *С волжских берегов. Стихи и проза чувашских писателей.* – Горький, 1932. – С. 108.

¹³ *Трактор.* – 1931. – № 1, 3.

¹⁴ *Митта В. Каймал.* – Шупашкар, 1930.

¹⁵ *Трубина М. Мучар.* – Шупашкар, 1933.

нав все преимущества колхозного строя, она не только возвращается в семью, но и вступает в колхоз¹⁶.

Официальный дискурс восприятия коллективизации характерен и для П. Осипова, который в романе «Новая волна» (1932) описывает историю колхоза «Сильдемер»¹⁷. В его произведениях, так же как и М. Трубиной, сюжет прост, а образы героев созданы в соответствии с принципами социалистического реализма, то есть – кулаки и подкулачники – отрицательные, а колхозники и бедняки – положительные герои. Сюжет романа прост: в чувашский колхоз вступили кулаки Ларионов и Усламов, подкулачник Сухал. Они заняли руководящие должности и занялись вредительством, чтобы ослабить и разрушить колхоз. Однако молодые комсомольцы разоблачили вредителей и отстранили их от управления.

В 1930-е годы культурный дискурс в Чувашии теряет свою независимость, становится официальным. Тенденция к советизации проявилась и в том, что история начала осознаваться интеллектуалами не как национальная, а как социальная, история классовой борьбы. В 1932 году И. Максимов пишет инсценировку «Волжские мотивы»¹⁸, где вся историю чувашей предстает как история борьбы за социальное освобождение, начиная от пугачевского восстания и завершая установлением советской власти в Чувашии. В центре его драмы «Земля вздымается»¹⁹ – события, которые были живы в памяти чувашских интеллектуалов 1930-х годов – установление советской власти в Чувашии. В такой ситуации эти события получили сугубо положительную оценку, но и интегрировались в комплекс официально дозволенных тем.

К середине 1930-х годов советская цензура уже прочно контролировала литературный дискурс в Чувашии. И хотя, большую часть произведений местные интеллектуалы издавали на чувашском языке, отказ от политики коренизации вылился в репрессии, что привело к тому, что чувашская литературная традиция становится более лояльной, идеологической и менее национальной. Например, награжденный в 1939 году орденом «Знак Поче-

¹⁶ *Сунтал*. – 1930. – № 10 – 12.

¹⁷ *Трактор*. – 1933. – Кн. 8.

¹⁸ *Трактор*. – 1933. – Кн. 4.

¹⁹ *Трактор*. – 1934. – Кн. 10.

та» чувашский поэт Н. Шелеби пишет восторженное стихотворение, панегирик партии, начинавшийся словами: «Спасибо партии любимой»²⁰. Кроме этого чувашские интеллектуалы начинают принимать активное участие в развитии культа личности Ленина. Воспевание ленинских образов приводит к тому, что Ленин становится своеобразным отцом всей чувашской нации, потеснив национальных чувашских деятелей. Тот же Н. Шелеби писал, что «светится имя Ленина незабвенное»²¹.

Конец 1930-х годов отмечен появлениями произведений, где чувашский литературный дискурс уже неразрывно интегрирован в советский контекст. В 1939 году на чувашском языке выходит пьеса П. Осипова «Взмет», в основе сюжета, при этом отнюдь не оригинального, которой борьба чувашского революционно ориентированного крестьянства против противников революции²². Произведения конца 1930-х годов четко выдержаны в духе требований советской цензуры, а их авторы транслируют лояльный советский тип чувашской идентичности, в котором больше официальной лояльности, а не проявлений национальной культуры.

Чувашская литература 1920 – 1930-х годов развивалась как современная современная культура, появившаяся в результате революционных перемен и тенденций к модернизации чувашской нации, которая начинает развиваться как современная. Она возникла после революционных перемен, в результате которых развитие чувашского культурного дискурса начали определять сами чувашские интеллектуалы. Поэтому, чувашский литературный дискурс имел ряд важных особенностей. Он развивался как национальный чувашский со значительными тенденциями европеизации.

Европеизация понималась местными интеллектуалами как важнейшее средство преобщения к развитой культуре и проявлялась в том, что чувашская культурная элита пыталась перенести в чувашскую культуру элементы новой революционной поэтики и романтики, которые они наблюдали в русской культуре. Кроме этого, европейский импульс привел к модернизации культуры –

²⁰ *Чувашская весна. Сборник чувашской советской литературы.* – М., 1950. – С. 32.

²¹ *Чувашская весна.* – С. 31.

²² *Сунтал.* – 1939. – № 5.

произошла смена тематики. Тематическая направленность чувашских авторов становится более современной, но и политически ангажированной. Они начинают выражать свою лояльность советскому режиму, получая возможность писать на чувашском языке. Таким образом, они принудительно интегрируются в советский культурный контекст, а чувашская культура становится лишь одним из дискурсов советской культуры.

Ю.С.Худяков

ИРАНско-ТЮРКский культурный симбиоз в ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Этническое и культурное разнообразие человечества является одним из основных условий его существования, взаимодействия и устойчивого развития в природной среде обитания. Оно служит аналогом разнообразию видов живых организмов в природе, которое обеспечивает устойчивость геобиоценозов и стабильность биологической жизни на планете земля. От налаженного, сбалансированного с учетом взаимных интересов, взаимодействия между разными этническими, субэтническими, конфессиональными группами и социальными стратами зависит не только мир и политическая стабильность, экономическое и культурное развитие в отдельных современных государствах, но и в целых регионах планеты.

В истории человеческого общества с эпохи древности очень большое внимание уделялось историческим событиям и явлениям межэтнического, межконфессионального и межкультурного антагонизма. Значительно меньшее внимание привлекали процессы взаимодействия и взаимовлияния древних и средневековых кочевых и оседло-земледельческих этносов и культур, хотя они проходили непрерывно в течение многих веков и тысячелетий.

Одним из регионов многовекового взаимодействия и взаимовлияния иранских и тюркских этносов и культурных традиций является Центральная Азия.

Согласно современным представлениям во втором тысячелетии до н.э. западный ареал степного пояса Евразии, до Енисея, Рудного Алтая и Восточного Туркестана был освоен индоиранскими скотоводческими племенами, для которых были характерны памятники андроновской культурной общности. В эпоху поздней бронзы, на рубеже II и I тысячелетий до н.э. кочевые племена, носители европеоидного антропологического типа, продвинулись далеко на восток, распространив ареал своего обитания и границы культуры до Забайкалья, Восточной Монголии и Ордоса. Дифференциация культурных общностей позднего бронзового века на культуры скифско-сарматско—сакского круга от степей Причерноморья до Восточного Туркестана и Южной Сибири сформировала этнокультурный облик ираноязычных кочевников евразийских степей с характерным предметным комплексом, включавшим "скифскую триаду" предметов вооружения, конской сбруи и звериного стиля; курганный архитектурный, петроглифику и монументальные поминальные комплексы. Монголоидные кочевники восточных районов Центральной Азии, сюнну и дунху, предположительно предки тюркских и монгольских кочевых этносов, в скифское время находились в орбите военно-политического и культурного влияния ираноязычных кочевников.

Этнополитическая ситуация в Центральной Азии изменилась в конце III в. до н.э., когда в результате победы хуннов в войне с южчжанами, образовалась хуннская военная держава, возглавляемая хуннским, предположительно тюркоязычным кочевым этносом. С этого времени начинается процесс миграционной активности тюркских, а несколько позже и монгольских племен, расселения по Центральной Азии монголоидных кочевников, тюркизации центрально-азиатских кочевников в языковом отношении, этнической и культурной ассимиляции ираноязычных кочевников. Этот процесс в Центральной Азии растянулся на семь столетий.

Анализ археологических материалов показывает, что первоначально престижные элементы хуннской военно-дружинной культуры были заимствованы представителями кочевой знати местных ираноязычных кочевых племен на периферии Центрально-Азиатского историко-культурного региона, в Саяно-Алтае, Восточном Туркестане, восточных районах Средней Азии.

Распространение тюркского языка и расовая метисация происходили в течение многих столетий.

В этом отношении показательна историческая судьба собственно древних тюрков, племенного объединения, игравшего ведущую роль в военно-политической и этнокультурной истории Центральной Азии в течение трех столетий эпохи раннего средневековья, иногда отождествляемой с "древнетюркским временем". Древние тюрки во главе с правящим родом Ашина происходили из хуннской этнической среды. Согласно сведениям китайских источников "предками туцзюэ были смешанные ху Пиньяляна. Их родовое прозвание было Ашина". По реконструкции исторических событий, предложенной С.Г. Кляшторным, предки древних тюрков и другие хуннские племена начали мигрировать на территорию Приалашанья со II в. до н.э., а их массовое переселение произошло в III в. н.э. В Пиньяляне и Хэси они ассимилировали местные ираноязычные и тохароязычные кочевые племена, известные у китайцев под названием "смешанные ху". В V в. древние тюрки во главе с родом Ашина мигрировали в Гаочан, где попали в зависимость от жужаней. В Гаочане тюрки вновь оказались в окружении ираноязычного населения. По мнению С.Г. Кляшторного, само название правящего древнетюркского рода Ашина имеет сакское происхождение и означает "достойный, благородный". В середине I тыс. н.э. древние тюрки по требованию жужаньского кагана были поселены в качестве военных поселенцев на Алтае, где должны были производить железное оружие и поставлять его жужаням. В это же время кыргызы были поселены на Енисее.

В Горном Алтае древние тюрки возглавили группировку местных кочевых племен, потомков скифоидных номадов скифского и хунно-сарматского времени, испытывших в течение нескольких столетий значительное влияние хуннской культуры. Средневековая древнетюркская культура, определившая основные направления культурогенеза в эпоху раннего средневековья на всей территории степного пояса Евразии, в значительной степени вообрала элементы предшествующих культур ираноязычных кочевников Приалашанья, Восточного Туркестана и Горного Алтая. Особенности погребальной и поминальной обрядности, харак-

терные для культуры древних тюрков были восприняты у местного кочевого населения после переселения на Алтай.

В середине VI в. н.э. кочевые народы степного пояса Евразии были объединены под властью правителей Первого Тюркского каганата. В зависимости от тюркских каганов оказалось и государство кыргызов на Енисее. Под контролем древних тюрков находился значительный участок "Великого Шелкового пути" от границ Китая до Ирана и торговые пути, ведущие в Южную и Западную Сибирь. Из-за противоречий в отношении объема торговли шелком тюрки вступили в конфликт с Ираном, и попытались проложить новый торговый путь в Византию, в обход Ирана, через Поволжье и степи Причерноморья.

Большую роль в развитии ремесла и торговли в Первом Тюркском каганате играли согдийские ремесленники и купцы, обслуживавшие тюркскую военную знать. В ходе постоянных войн и походов тюрки захватили огромные ценности. По описаниям византийских дипломатов ставка правителя западной части Первого тюркского кагана, Истеми-хана, утопала в роскоши. Военная добыча стала предметом торговли и обмена на импортные товары. Ремесленники в городах Средней Азии, Ирана и Восточного Туркестана стали изготавливать для тюркской военной знати драгоценную пиршественную посуду, парадное оружие, украшения, поясную и сбруйную фурнитуру. В памятниках древних тюрков, исследованных в Горном Алтае, в Туве, в Монголии, на Тянь-Шане, найдены серебряные сосуды, золотые и серебряные серьги, украшения из драгоценных камней, золотые, серебряные и бронзовые пряжки, бляшки, наконечники ремней от пояса и сбруи, бронзовые перстни, каменные и стеклянные бусы, привезенные тюркским кочевникам согдийскими купцами.

Особенно значительное влияние Ирана и Согда прослеживается в производстве художественного металла у кочевников Саяно-Алтая. В середине I тыс. н.э., в период правления династии Сассанидов, производство предметов торевтики в Иране переживало настоящий расцвет. Высочайший уровень иранской торевтики способствовал распространению технологий изготовления художественных предметов из металла, форм и орнаментации изделий на обширных пространствах Евразии.

Декоративные мотивы и изобразительные сюжеты, характерные для иранского и согдийского искусства, получили широкое распространение в тюркском кочевом мире, в танском Китае. Изделия сассанидских и согдийских торовтов пользовались большим спросом у угорских народов таежной зоны Западной Сибири.

Из Ирана, Средней Азии и Восточного Туркестана в Сибирь пролегли меридиональные ответвления "Великого Шелкового пути", по которым в Саяно-Алтай завозили изделия, изготовленные в городских ремесленных центрах, и вывозили меха, бивни мамонта, мускус кабарги и древесину.

По составу импортных находок в погребениях средневековых кочевников, в Саяно-Алтай из стран, лежащих на основной трассе "Великого Шелкового пути" вело несколько караванных дорог. Одна из них пролежала из Семиречья и верховья Иртыша, и далее вниз по Иртышу и на Алтай и Салаир в верховья Оби. По этой дороге в Прииртышье, Приобье, на Алтай и в Кузнецкую котловину попадала основная часть среднеазиатского, иранского импорта, попадали отдельные предметы из Бадахшана, Индостана, восточного Средиземноморья и Византии. Другой путь вел из Восточного Туркестана на север, в котловину Великих озер Монголии, в Саяны и Минусинскую котловину. Этим путем в Саяно-Алтай доставлялись не только согдийские, иранские и восточно-туркестанские товары, но и основная часть китайского шелка, бронзовых зеркал и монет, других изделий китайского производства.

По торговым путям из Ирана, Согда и Восточного Туркестана к кочевникам попадали не только готовые изделия городских ремесленников, но и технологии их изготовления.

Хотя значительная часть приемов декорирования и орнаментальных мотивов в производстве предметов торовтики была заимствована номадами у иранцев и согдийцев, кочевники копировали заинтересовавшие их сюжеты не механически, а творчески перерабатывали, видоизменяли в соответствии с собственными представлениями о красоте. Характерные элементы согдийского орнамента в тюркской и кыргызской среде используются не только для орнаментации металлических, но и роговых, костяных, берестяных украшений деталей седел и колчанов.

От согдийцев тюрки заимствовали согдийскую письменность, которая использовалась при сооружении поминальных стел с описанием героических подвигов членов правящего каганского рода. Согдийским письмом написана основная надпись на Бугутской стеле, установленной в честь одного из правителей Первого Тюркского каганата. В погребении древнетюркского воина на памятнике Джолин в Горном Алтае найден палаш с согдийской надписью.

Помимо торгово-экономической деятельности, согдийцы играли важную роль в политической и идеологической сферах жизни тюркских каганатов. Согдийцы выполняли важные дипломатические поручения тюркских каганов, возглавляли посольства в Иран, ко двору иранских шахов, отстаивая не только интересы тюрков, но и свои собственные в деле торговли шелком. Согдийские проповедники занимались активной миссионерской деятельностью, распространением прозелитарных религий, манихейства, несторианства и буддизма среди кочевников.

В период существования Второго Восточного Тюркского каганата на базе согдийской письменности была создана древнетюркская руническая письменность, получившая широкое распространение среди тюркских кочевых народов в эпоху раннего средневековья.

После крушения тюркских каганатов согдийцы продолжали играть ведущую роль в торговле с кочевыми народами Центральной Азии. Торговые фактории согдийцев появились в районе расселения племен курыкан в Прибайкалье. Согдийские манихейские проповедники стали важной политической силой в Уйгурском каганате, после принятия уйгурами манихейства в качестве государственной религии. Влияние согдийской культуры на уйгуров отразилось в оборонном зодчестве при строительстве уйгурских крепостей, в производстве гончарной посуды и художественных изделий из металла. Под влиянием согдийцев в уйгурской торевтике приобрела популярность каноническая орнаментация с манихейской и буддийской символикой.

Контакты кыргызов, проживавших в эпоху раннего средневековья в Минусинской котловине, на землях к северу от Саянских гор, в первые столетия существования кыргызского государства с иранцами и согдийцами были ограничены. Кыргызские

правители в VII – VIII вв. ориентировались на установление дипломатических и торговых контактов с империей Тан. Однако в ходе войн с восточными тюрками, а затем с уйгурами кыргызы смогли установить дружественные отношения с тюркскими племенами Семиречья, тюркешами, а затем карлуками и тибетцами, земли которых находились на "Великом Шелковом пути" или поблизости от него. Отражением этих контактов стало поступление на Енисей изделий импортного, китайского и согдийского производства, доставлявшихся из Семиречья по "кыргызскому пути", связывавшему Саяно-Алтай с "Великим Шелковым путем". В кыргызских курганах VI – VIII вв. встречаются изделия торевтов иранского и согдийского круга, дорогая, золотая и серебряная, богато орнаментированная пиршественная посуда, бронзовые рельефы со сценой охоты всадника на тигра. Типичный для сасанидского иранского искусства сюжет богатырской охоты, по-видимому, приобрел популярность в танском Китае, а уже оттуда по "Великому Шелковому пути" мог попасть через Восточный Туркестан на Енисей.

Победа кыргызов в длительной войне с уйгурами в IX в. открыла им дорогу к торгово-ремесленным центрам Семиречья и Восточного Туркестана. В кыргызских памятниках IX – X вв. количество импортных вещей значительно возросло. Помимо вещей китайского производства, увеличилось число изделий, привезенных из Средней Азии и Восточного Туркестана. Среди этих предметов важное место занимает дорогое, богато украшенное парадное клинковое оружие. Богато орнаментированный палаш из Сросткинского могильника на Алтае имел перекрестье, обоймы, петли и наконечник ножен, украшенные изображениями львов, характерными для искусства Ирана. Сабля из кургана Багыра в Туве имела чеканенную растительную орнаментацию вдоль клинка, арабскую надпись с изречением из Корана: "помощь от Аллаха и близкая победа" и фигурной орнаментированной гардой. Эта находка свидетельствует о торговле кыргызов с мусульманскими странами Среднего Востока. В земли кыргызов в Саяно-Алтае завозилась драгоценная пиршественная посуда, украшения из драгоценных камней, бадахшанского лазурита, индийского сердолика, хотанского нефрита, а также стекла, перламутра и раковин каури. В кыргызском кургане на юге Тувы най-

дены фрагменты берестяного предмета с надписями тибетским письмом, содержащим текст религиозного содержания, относящийся к тибетской религии бон.

Значительную часть привозимых в кыргызские земли в Саяно-Алтае иноземными купцами составляли ткани, доставляемые из Средней Азии и Восточного Туркестана. По сообщению китайских источников, кыргызские женщины носили одежды, сшитые из плотных шерстяных тканей, полихромных, газовых и камчатных шелковых тканей, привезенных из Кучи, Бешбалыка и Ферганы. Согдийские и мусульманские купцы закупали у кыргызов в Саяно-Алтае меха пушных зверей, соболей и белок, мускус кабарги, дерево "худанг" и "рог хуту". Эти товары кыргызы получали с кыштымов в виде дани. Ввиду постоянной вражды с уйгурами, торговый путь из Тибета в кыргызские земли в Саяно-Алтае, в обход Уйгурского Турфанского княжества, через земли государства карлуков в Семиречье. Этот путь в значительной степени повторял прежний "кыргызский путь".

Другая торговая трасса вела из Семиречья в Прииртышье, в Приобье и на Алтай, которые в IX – XII вв. находился под властью кыргызов. По этим путям осуществлялась торговля между кыргызами и странами Средней Азии. В эпоху "Кыргызского великодержавия" кыргызские каганы стремились строить в своем государстве города, поощряли развитие земледелия, пытались ввести денежное обращение в земли кыргызов в Саяно-Алтае проникли прозелитарные религии: буддизм, несторианство и манихейство. Влияние среднеазиатского зодчества прослеживается на некоторых архитектурных сооружениях, построенных из сырцовых кирпичей, исследованных в Минусинской котловине. По мнению Л.Р. Кызласова, архитектурные и строительные особенности раскопанного в котловине Сорга здания соответствуют канонам согдийской архитектурной школы. Согласно его предположению, манихейство было принято в Кыргызском каганате в качестве "государственной религии", для отправления культов которой согдийцами сооружались храмы.

Однако имеющиеся археологические материалы и сведения источников свидетельствуют, что кыргызская знать проявляла интерес не только к манихейству, но и буддизму. Представитель кыргызского княжеского дома занимался переводом буддийских

текстов. Среди кыргызов приобрела распространение буддийская культовая символика. Поэтому нет достаточных оснований считать, что манихейство было принято в Кыргызском каганате в качестве "Государственной религии". В начале II тыс. н.э. торговля с кыргызами Саяно-Алтая перешла к мусульманским купцам Средней Азии.

Монгольские завоевания и подчинение значительной части территории Центральной, Средней и Передней Азии под властью монгольских ханов, потомков, основателя монгольской империи Чингиз-хана, изменили этнополитическую ситуацию во всей Евразии. Многие тюркские кочевые этносы и иранские оседло-земледельческие народы оказались в составе одних и тех же государств Чингизидов. В городские центры этих городов Ирана и Средней Азии, Китая, Руси. На базе этих городских центров возникла синкретичная культура древнемонгольских городов, в которой значительную роль играла культура мусульманского Востока. В столице мировой Монгольской империи Каракоруме найдены монеты с арабскими надписями золотоордынской чеканки.

Мусульманские купцы оказали определенные услуги монголам в ходе завоеваний, поэтому они пользовались определенными привилегиями, что позволило расширить свои торговые операции в Монголии и Южной Сибири. В Монголии и Саяно-Алтае существовали торговые фактории мусульманских купцов. В Каракоруме и в Туве исследованы мусульманские могильники. Мусульманские купцы – "бухарцы" продолжали торговать и в эпоху позднего средневековья. Через посредство тюркских кочевых народов элементы культуры иранских этносов были восприняты и монголами. Поэтому многие элементы культуры кочевых народов Центральной Азии являются едиными для ираноязычных, тюркоязычных и монголоязычных этносов.

Примечания:

- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994. С. 216-217
Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 159-160
Грязов М.П. Аржан царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 51, 56, 57
Гумилев Л.Н. Хунну. СПб., 1993. С. 53

- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 53-58
- Худяков Ю.С. Хаславская Л.М. Иранские мотивы в средневековой тюркитике Южной Сибири // Семантика древних образов. Новосибирск, 1990. С. 118
- Маршак Б.И. Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. СПб., 1996. С.
- Маршак Б.И. Согдийское серебро. М., 1971. С. 51
- Там же. С. 52
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. X. С. 143-144
- Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1992. С. 33
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994. С. 21
- Лифшиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 5-13
- Окладников А.В. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время // История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976. С. 36-43
- Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 93
- Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. О пламевидном орнаменте в южносибирской тюркитике // Рериховские чтения 1984 г. Новосибирск, 1985. С. 245-249
- Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов) Абакан, 1948. С. 45, 51
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР. М.;Л., 1949. № 9. С. 312-313
- Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в центре Тувы. М., 1998. С. 26
- Грач А.Д. Древнекыргызские курганы у северной границы котловины Больших озер и находки тибетских надписей на бересте // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. XXII. С. 103-123
- Лубо-Лесниченко Е.И. "Уйгурский" и "киргизский" пути в Центральной Азии // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1989. Т. XXVII. С. 6
- Худуд Ал-Алам // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973. Вып. I. С. 41.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.;Л., 1950. Ч. I. С. 352
- Худяков Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 70-72
- Кызласов Л.Р. Манихейский храм в котловине Сорга // Российская Археология. 1999. № 2. С. 192
- Там же. С. 193.
- Там же. С. 202

Худяков Ю.С., Хаславская Л.М. О пламевидном орнаменте в южносибирской
торевтике. С. 245-249

Войтов В.Е. Могильники Кара-Корума (по материалам работ 1976-1981 гг.) //
Археологические, этнографические и антропологические исследования в
Монголии. Новосибирск, 1990. С. 140

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 160-161

II

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ

*(языковая проблематика в
исследованиях 1980-х годов)*

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ТЮРКОЛОГИИ

(языковая проблематика в исследованиях
1980-х годов)

Н.З. Гаджиева

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ*

Принципы классификации языков и диалектов одна из наименее разработанных проблем как тюркского, так и общего языкознания. Отсутствуют достаточные теоретические обоснования для определения типа языка, а также правомерности выделения более мелких его единиц. Понятие типа в применении к конкретному языку может быть многоаспектным. Например, узбекский язык определяется прежде всего как язык тюркского типа, т. е. известная сумма признаков, объединяющая его со всеми другими тюркскими, тем самым отличает данные языки от языков германских, романских, финноугорских и т. д. С другой стороны, узбекский содержит некоторые признаки, свидетельствующие о его принадлежности к группе кыпчакских языков. Конкретный диалект, говор также имеет свои типовые признаки. Например, диалект, положенный в основу узбекского литературного языка, входит в группу так называемых окающих несингармонизированных диалектов, которые имеют шесть гласных фонем вместо девяти в других диалектах. Литературный казахский язык основывается на диалекте, в котором осуществляется переход ч > ш и ш > с.

Литературный татарский язык основывается на диалекте, в котором сохраняются велярные к и г и отсутствует ц и т. д. Можно выделить в языке группы диалектов, характеризующиеся определенными групповыми признаками. Так, например, для восточной группы диалектов азербайджанского языка характерно отсутствие носовых согласных и велярного у, переход широких гласных в

* Во втором выпуске «Воронежского тюркологического сборника» мы публикуем фрагмент статьи Н.З. Гаджиевой, впервые изданной двадцать семь лет назад, но представляющий немалый интерес для тех, кто занимается изучением тюркских языков. Статья, в первую очередь, рассчитана на студентов российских провинциальных университетов, которые встречаются со значительными сложностями при поиске специализированной литературы по тюркскому языкознанию в виду отсутствия таковой в библиотеках или из-за ограниченного доступа к этой литературе для студентов, не обучающихся на филологических факультетах.

узкие и т. д.; западная группа диалектов азербайджанского языка характеризуется переходом б > в в середине слова, спонантизацией конечных глухих согласных и т. д.

Диалекты, расположенные на периферии, могут обладать признаками, сближающими их с соседними тюркскими языками. Северные диалекты узбекского языка имеют некоторые черты, общие диалектам казахского языка, есть узбекские диалекты, сближающиеся с уйгурскими. Южные диалекты киргизского языка имеют особенности, встречающиеся в узбекском. Восточные диалекты башкирского языка имеют некоторые черты, присущие казахскому языку и т. д.

Таким образом, существует классификационная иерархия: типовые признаки более крупной группы, а затем более мелкой диалектов и говоров.

В связи с этим неизбежно возникает проблема типа конкретного языка, охватывающего все его диалекты и говоры. Таким образом, мы можем говорить об узбекском, казахском, киргизском, каракалпакском, татарском и т. д. языковом типе, который давал бы нам возможность выяснить, чем, например, отличается узбекский тип языка от казахского типа, азербайджанский от татарского типа и т. д.

Естественно, что достоверность классификации находится в прямой зависимости от того, насколько полно в ней представлены типы языков, насколько научно обоснованно выделены типовые признаки.

Как мы покажем ниже, в имеющихся классификациях диалектов отсутствуют четкие критерии выявления типа конкретного языка, во всяком случае эта проблема находится в начальной стадии разработок. Исследователи чаще всего ограничиваются выявлением отличительных признаков различных диалектов и их групп.

Е. Д. Поливанов, выделяя три генетически различных наречия в составе узбекского языка, наметил характерные лингвистические признаки как для каждой из трех групп, так и для входящих в их состав подгрупп говоров: "юговосточную, или чагатайскую группу турецких языков характеризуют словоформы tag и sa:ɣ; ...югозападную, или огузскую, группу турецких языков характеризуют словоформы dag и sa:ɣ (sa:ɣ); ...северозападную, или кыпчакскую, группу турецких языков характеризуют слово-

формы *tav* и *saŋ* [1]. Описывая четыре типа ферганских говоров, Е. Д. Поливанов отмечает, что в отличие от самаркандскобухарского, а отчасти и ташкентского типов звук *нг* (носовой заднеязычный) всех этих четырех типов уже не имеет признака *г*, т. е. является чистым (носовым с начала и до самого своего конца). Давая детальный анализ седьмому типу чагатайских говоров (сингармонистических), автор в числе их характерных черт отмечает сохранение древних долгих гласных (типа *a:t* 'имя', *ba:r* 'есть', *ja:z* 'лето' и т. п. [2].

В предлагаемой А. К. Боровковым классификации узбекских диалектов самаркандскобухарская группа говоров характеризуется: большой частотностью употребления *а* в первых слогах и, в частности, в двусложных основах с конечным закрытым слогом; наличием губнозубных проточных *в* и *ф*; совпадением аффиксов род. и вин. падежей. Рамки ассимиляции начальных согласных с конечными согласными основ ограничиваются случаями *н/д/т*; аффиксы дат. и мест. Падежей совпадают в одном дат. (*га/ка*; форма настоящего данного момента имеет показатель *ап*(*келапми* 'приближается, идет') [3].

Для всех подгрупп кураминских говоров Ташкентской области В. В. Радлов выдвигает дифференцирующие признаки. Так, например, жекающие говоры характеризуются: 1) явным жеканьем (*ж ок*), 2) явным аканьем, 3) максимальной степенью дифтонгизации начальных гласных верхнесреднего подъема, 4) преобладающим употреблением аффиксального *э* в чередовании *а/э*, 5) наличием дифтонгических сочетаний в словах *ийт*, *бийт*, 6) заменой *х* звуком *к*, 7) случаями перехода *чай > шай > шай*, 8) девятифонемной системой вокализма, как в акающей подгруппе жекающих говоров [4].

Н. А. Баскаков разработал классификационные признаки разделения алтайского языка на северные и южные диалекты. Северные диалекты значительно отличаются от диалектов южной группы и имеют большое количество общих черт с соседним шорским языком. Южные диалекты алтайского языка имеют больше сходжений с киргизским языком [5].

В тюркологической литературе делались попытки выявить общие диалектные признаки. Так, например, Н. А. Баскаков выделяет следующие консонантные признаки ногайских диалектов: 1) часто встречающийся переход *ш* в *с* в канглинском говоре акно-

гайского диалекты и в караногайском диалекте; 2) $з > с$ в местоименном аффиксе 1го лица мн. числа в собственно ногайском и караногайском диалектах; 3) замена в заимствованных словах начального $х$ звуком $къ$ в собственно ногайском и караногайском диалектах; 4) начальный $ж$, ($< ж / й$) в собственно ногайском диалекте (вм. $ж$ в акногайском и $й$ в караногайском); 5) случаи ассимиляции $д > т$ после $н$, $нъ$, $м$, а также $д > н$ после $н$ в акногайском; 6) чередование $п/б$ в начальной позиции слов в акногайском, собственно ногайском, караногайском; 7) явления диссимиляции губного $б$; 8) явление метатезы [6].

Однако перечисленные фонетические признаки нельзя признать дифференциальными признаками только ногайских диалектов, т. е. признаками, присущими только типу ногайского языка. Достаточно указать на то, что $ш \sim с$ является внутридиалектной особенностью казахского, киргизского, узбекского, ногайского и других тюркских языков. Соответствие $й \sim ж$, $\sim ж$ внутридиалектная особенность тюркских языков как в Средней Азии, так и за ее пределами (ср. диалекты казахского, киргизского, узбекского, каракалпакского языков). Ассимиляция согласных $н < д > т$ свойственна диалектам казахского, киргизского, узбекского, туркменского языков; можно говорить лишь о различной степени ее проявления. Что же касается $п \sim б$ в анлаутной позиции, то это одно из наиболее распространенных общетюркских соответствий, повсеместно распространенных почти во всех диалектах тюркских языков от границ Кавказа до Горного Алтая.

Заслуживают внимания попытки И. А. Батманова выделить признаки, отличающие киргизский литературный язык от территориально сопряженных казахского и узбекского: 1) замена дифтонгов долгими гласными ($т ав > т оо$); 2) система вокализма (восемь кратких фонем: $а, е, о, о, i, ь, и, у$, шесть долгих: $аа, ее, оо, оо, ии, уу$); 3) джеканы; 4) лабиальносингармонистическое чередование широких гласных; 5) аффиксальные $л$ и $д$, не переходящие в $н$; отсутствие фонемы h ; 7) кирг., узб. $ч \sim$ казах. $ш$ (кирг. чач, узб. чоч, казах. шаш 'волосы'); 8) кирг., узб. $ш \sim$ казах. $с$ ($т аш \sim т ас$ 'камень'); 9) наличие формы наст. времени данного момента типа барып $ж$, ат ат [7].

Однако при выделении ряда перечисленных признаков автор ориентировался на литературный диалект без учета всех диалектов киргизского языка. Так, например, отсутствующая в литера-

турном диалекте фонема э представлена почти во всех других диалектах киргизского языка. При словоформе т оо в литературном диалекте в большинстве других диалектов представлена словоформа т ав, а в южных говорах и т аг. При джеканы в литературном диалекте широко представлено йеканье в южных диалектах. Секанье является не только принадлежностью казахского языка, а зарегистрировано в отдельных диалектах киргизского языка.

Заслуживают внимания предлагаемые К. К. Юдахиным классификационные грамматические признаки, отличающие киргизский язык от других тюркских языков Средней Азии: 1) частица ограничения эле, 2) формы на ыбат ат , атат для наст. времени данного момента (ж азыбат ат 'он пишет', барат ат 'он идет', 3) форма на чу для прош. времени обычного действия (ж азчумун 'он писал', 4) использование форманта май в значении отглагольного имени, 5) форма род. падежа на н, 6) отрицание элек, 7) губная гармония, которая на юге распространения киргизского языка несколько ослаблена по сравнению с севером, но все же еще сильна [8].

Критерием отнесения диалекта к определенному языку, по определению К. К. Юдахина, является встречаемость признака во всех диалектах. Этот взгляд разделяется и Б. М. Юнусалиевым [9]. В этой связи представляют интерес взгляды Э. Р. Тенишева, который полагает, что явления, присущие диалектам уйгурского языка, обычно имеют более или менее системный характер: "Более системными и последовательными выступают признаки фонетические, являющиеся общими для группы говоров, тогда как несистемные признаки встречаются обычно в более узкой и ограниченной области и специфичны для отдельных говоров или подчиненных им диалектных единиц" [10]. К таким более или менее системным фонетическим признакам, которые можно положить в основу выделения диалектов уйгурского языка, Э. Р. Тенишев относит следующие: 1) фонема i (и ее варианты); 2) прогрессивная гармония гласных типа *barer* и *joldas*; 3) регрессивная гармония гласных типа *berip* и *tomur*; 4) ассимиляция согласных типа *qazzar* и *toj jas*; 5) форма 1го лица буд. времени (типа *barimen*, или *baretmen* или *baredemen*); 6) форма 3го лица буд. времени (*baridu*, *kelidu* или *baritu*, *kelitu*) [11].

Классификационные признаки выделения диалектов уйгур-

ского языка получили детальную разработку в труде А. Т. Кайдарова [12]. "Очень важно, пишет А. Т. Кайдаров, выяснить, что представляют собой общие признаки уйгурских диалектов и говоров, благодаря которым эти говоры не только образуют определенную группу, но и, объединяясь между собой, составляют основу единого языка" [13]. Решение проблемы общих диалектных признаков в книге А.Т. Кайдарова не устраняет некоторых дискуссионных вопросов. Дело в том, что до сих пор в лингвистике нет достаточно четкого определения понятия общенародного языка, поэтому к этой категории нередко относят явления различной природы: 1) литературный язык, имеющий распространение в данном государстве; 2) какое-либо распространенное койне, например общегородское; 3) система общих лексических и грамматических элементов, связывающих различные диалекты языка и дающих возможность их носителям договориться между собой.

Такие общие элементы, конечно, не составляют живого языка и не представляют собой некоторой, хотя и коммуникативно действенной, абстракции [14]. Перечисляемые А. Т. Кайдаровым общие признаки диалектов не являются исключительно особенностями уйгурского языка. Так, например, непоследовательность редукции гласных, лабиальной и палатальной гармоний, геминации, йеканье, высокая частота употребления фонеты *e* встречаются и в других тюркских языках. Прежде чем говорить о том, как ареальная лингвистика до известной степени может разрешить проблему языкового типа, необходимо рассмотреть вопрос об основах существующих классификаций тюркских языков. В. А. Богородицкий разделяет все тюркские языки на семь групп: 1) северовосточную, 2) хакасскую (абаканскую), 3) алтайскую, 4) западносибирскую, 5) поволжскоприуральскую, 6) среднеазиатскую, 7) югозападную.

К северовосточной группе В. А. Богородицкий относит якутский, карагасский и тувинский языки. Характерными особенностями якутского языка являются утрата начального *c* и развитие расширяющихся дифтонгов. Типичным признаком тувинского, карагасского и хакасского языков В. А. Богородицкий считает *й > ч* и *ч > ш*. Связь якутского, карагасского, хакасского и тувинского при такой классификации остается неясной. Признаки хакасской (абаканской) группы выделены В. А. Богородицким недостаточно

четко (переход конечного ш в ч). Для языков алтайской группы вообще не дается никаких отличительных признаков. Указывается только, что языки алтайской группы обладают некоторыми чертами, звуковыми и формальными, роднящими их с киргизским языком. В западносибирскую группу включаются все наречия сибирских татар (чулымские, ишимские, тюменские и др.). Характерной чертой этих наречий, за исключением ишимского, признается цоканье, т. е. соответствие ц старотюркскому ч. Заметим, что цоканье не является исключительным признаком этой группы, так как оно встречается также в диалектах казанскотатарского языка. Поволжскоприуральская группа, представленная татарским и башкирским языками, в работах В.А. Богородицкого также охарактеризована недостаточно четко. Наиболее характерным признаком этой группы считается сужение гласных е > и, о > у, и т. д.

Однако сужение гласных sporadически встречается и в диалектах тюркских языков, принадлежащих к другим группам, например в чувашском. К группе среднеазиатских языков В. А. Богородицкий относит уйгурский, казахский, киргизский, узбекский, каракалпакский языки. Что объединяет языки в эту группу остается в работе В. А. Богородицкого совершенно неясным. Юго-западной, или южной, группе тюркских языков принадлежит туркменский, азербайджанский, кумыкский, гагаузский и турецкий языки. Указывается, что чувашский язык имеет с этой группой ряд сходных черт [15]. Если турецкий, азербайджанский и гагаузский языки имеют действительно сходные черты, то совершенно неясно, на каком основании к этой группе присоединяется кумыкский язык.

В.В. Радлов выделил четыре группы тюркских языков 1) восточную, 2) западную, 3) среднеазиатскую и 4) южную. К восточной группе отнесены языки алтайских, барабинских, обских, енисейских тюрок и чулымских татар, а также карагасский, хакасский, шорский и тувинский языки. К западной группе В. В. Радлов относил наречия татар Западной Сибири, киргизский, казахский, башкирский, татарский и условно каракалпакский; к среднеазиатской группе уйгурский и узбекский языки; к южной туркменский, азербайджанский и турецкий языки и некоторые южнобережные говоры крымскотатарского языка. Специфические фонетические признаки, послужившие основанием для классифи-

кации, у В. В. Радлова также не отличаются достаточной полнотой. Так, например, характерными особенностями языков западной группы является наличие глухих согласных к, т, реже п в начале слова (ср. кун 'день', вм. гун в южной группе), наличие с, з и ш во всех позициях и т. п. В южной группе заметно преобладают начальные звонкие г, д, б, лабиализованные узкие гласные в аффиксах и т. д. [16]. Различительные фонетические признаки выделены у В.В. Радлова недостаточно четко. Так, например, звонкий б в начале слова, представленный как отличительный признак языков западной группы (баш 'голова' вм. паш), может в равной мере рассматриваться как признак южной и среднеазиатской групп. Наличие о, о только в первых слогах фигурирует у Радлова как отличительный признак языков среднеазиатской группы и выдвигается одновременно как отличительный признак языков южной группы.

Ф.Е. Корш при классификации тюркских языков выбирал отдельные признаки, захватывающие большие ареалы, например: отражение древнего задненебного г, сохранность его в одних тюркских языках и переход в у в других (ср. тур. dag 'гора', но тат. т ау); образование настоящего времени на базе причастия на р, типичное для одной группы тюркских языков, и наст, время, образованное от деепричастия на а, встречающееся в другой группе.

Классификация Ф.Е. Корша, хотя далеко и не разрешающая всей этой сложной проблемы, вместе с тем содержит важные приемы исследования в этой области. Необходимым условием для выделения группы языков является подбор существенных и общих признаков, представляющих определенную совокупность фонетических и морфологических черт.

Подобные крупномасштабные признаки лежат в основе уточненной классификационной схемы тюркских языков, предложенной А. Н. Самойловичем.

По фонетическим признакам А. Н. Самойлович распределил тюркские языки на шесть групп: 1) "Р" группа, или болгарская; 2) "Д" группа, или уйгурская, иначе северо-восточная; 3) "Тау" группа, или кыпчакская, иначе северо-западная; 4) "Таглык" группа, или чагатайская, иначе юго-восточная; 5) "Таглы" группа, или кыпчакско-туркменская; 6) "ОЛ" группа, иначе юго-западная [17].

Предлагались и другие классификации тюркских языков. В каждой из них пытались уточнить распределение языков по

группам, а также включить древнетюркские языки. Так, например, Г. Рамстедт подразделяет тюркские языки на шесть основных групп: 1) чувашский язык; 2) якутский язык; 3) северная группа (по Рясянену северо-восточная); к этой группе принадлежат все языки, распространенные на Алтае и в прилегающих к нему местностях; 4) западная группа (по Рясянену северозападная), куда входят языки: киргизский, казахский, каракалпакский, ногайский, кумыкский, карачаевский, балкарский, восточнокараимский, западнокараимский, татарский и башкирский; к этой же группе относятся и сохранившийся в памятниках куманский, а также кыпчакский, почему вся группа и получила название "кыпчакской"; 5) восточная группа (по Рясянену юго-восточная): новотуркский и узбекский; 6) южная группа (по Рясянену юго-западная): туркменский, азербайджанский, турецкий и гагаузский [18]. И. Бенцинг и К. Менгес делят тюркские языки на пять групп: 1) болгарская группа (чувашский, вымерший болгарский); 2) южная, или огузская, группа (турецкий, румелийский и анатолийские диалекты, гагаузский, крымскоосманский, азербайджанский, туркменский); 3) западная группа (караимский, карачаевский, балкарский, кумыкский, поволжскотатарский, крымскотатарский, башкирский, казахский, каракалпакский, ногайский, киргизский); 4) восточная, или уйгурская, группа (узбекский, новотуркский, сарыуигурский); 5) северная группа (алтайский, ойротский, шорский, хакасский, якутский, долганский) [19].

Предлагаемые авторами этой классификации различительные признаки также носят общий и отрывочный характер. Так, например, в качестве фонетического признака, определяющего болгарскую группу, выдвигается потеря конечного г, г (ср. чув. т у ~ т ав 'гора'); восточная, или уйгурская, группа характеризуется переходом конечных г/г в q/к (йайаq 'пеший'); признаками южной, или огузской, группы являются аффиксы род. и дат. падежей ин, а, формы наст, времени с ийор в турецком и ир в азербайджанском и т. д.

В известной степени отличается от предыдущих классификация, предложенная Н.А. Баскаковым [20]. Все тюркские языки он делит на две большие группы западнохуннскую и восточнохуннскую. Каждая из этих ветвей в свою очередь разделяется на группы и подгруппы, причем Н. А. Баскаков включает в эти группы и подгруппы как древние, так и новые языки. Н. А. Баскаков пыта-

ется сформулировать новые принципы классификации языков. "Классификация языков, отвечающая требованиям современной науки, должна быть построена прежде всего на основе исторического процесса развития языков в связи с историей самих тюркских народов, с учетом всего грамматического строя тюркских языков и их словарного состава. Классификация языков должна учитывать все родоплеменные (а, следовательно, и языковые) общности, создавшиеся в среде тюркских народов, поскольку это позволяют известные исторические источники и сведения, а также все письменные памятники древних тюркских языков, которые могут служить нам ориентирами, определяющими вхождение каждого данного племени (народности) в ту или иную общность племен (народностей), а следовательно, и каждого данного языка в соответствующую языковую общность" [21]. Таким образом, классификация тюркских языков есть не что иное, как периодизация истории развития тюркских народов и тюркских языков во всем многообразии тех последовательно возникавших и распадавшихся сначала мелких родовых объединений первобытнородового общинного строя, а затем крупных племенных объединений, которые, имея общее историческое происхождение, создавали на определенный период в развитии этих племен общности, различные по составу племен, а следовательно, и различные общности племенных языков. Такая методика имеет ряд недостатков: 1) языковые факты связываются с историей народов, в то время как сами сведения по истории тюркских народов и языков, содержащиеся в тех или иных источниках, требуют тщательной проверки; 2) автор не предлагает такие методические принципы, которые позволили бы соотносить языковые факты с племенными образованиями, союзами племен и т. д.

При рассмотрении классификации Н.А. Баскакова мы не будем касаться и аспекта, связанного с периодизацией истории тюркских народов, сосредоточив внимание только на комплексах отличительных лингвистических признаков групп языков. Западнохуннскую ветвь тюркских языков, с точки зрения Н. А. Баскакова, характеризуют следующие признаки: 1) замещение древних з, д, т звуком й, например: аяк (вм. адак / азак / ат ах 'нога'); 2) большая степень дифференциации глухих и звонких согласных: б ~ п, к ~ г, с ~ з, д ~ т ; наличие дифференцированных согласных фонем х, в, х, и др.; 3) наличие в основном словарном

фонде значительного количества заимствованной лексики из арабского и иранских языков и относительно меньшее количество заимствований из монгольского языка; 4) более развитая структура сложного предложения и наличие большого количества союзов [22].

Количество заимствованных арабских и иранских слов в этих языках сильно колеблется. В чувашском их довольно мало. При характеристике отличительных признаков чувашского языка приводятся такие признаки, как замещение гласного а других тюркских языков гласным ы, замещение звука г других тюркских языков звуком в. Однако эти признаки не являются исключительным достоянием чувашского, а встречаются также и в других тюркских языках. Точно так же в качестве признака, характеризующего всю кыпчакскополовецкую подгруппу кыпчакской группы языков, приводится наличие шипящего ш вместо шипящего с кыпчаксконогайской подгруппы. Но сохранность ш типична также для многих других тюркских языков. В числе отличительных признаков кумыкского языка приводятся формы причастия на аган / эген, которое встречается и в других тюркских языках. При характеристике карачаевобалкарского языка приводится в качестве отличительного признака ч > ц явление также не специфическое и встречающееся в других тюркских языках [23].

В основе схемы классификации тюркских языков, принадлежащей С. Е. Малову, лежит возрастной признак. С. Е. Малов все тюркские языки разделяет на старые и новые. Критерием этого деления является отсутствие или присутствие й в известных позициях в слове, главным образом в середине существительных, например, аяк 'нога', и в конце глагольных основ, например, к,ой 'клади' [24]. Если в ряде слов в известных позициях присутствует й, то языки, которым принадлежат эти слова, можно называть новыми тюркскими языками. Языки, в которых вместо этого и в тех же словах выступают другие звуки, будут древними тюркскими языками. Новыми тюркскими языками, по мнению Малова, являются: азербайджанский, алтайский, башкирский, гагаузский, казахский, караимский, каракалпакский, киргизский, кумандинский, кумыкский, кыпчакский, ногайский, ойротский, печенежский, половецкий, саларский, татарский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, чагатайский, чулымский. К древним тюркским языкам, по схеме Малова, принадлежат: "чу-

вашский вместе с ныне вымершими языками болгарским и хазарским, в которых вместо j имеется г (ср. чув. uга 'нога', хуг' класть'), язык рунической письменности ("огузский"), язык древней уйгурской письменности, тувинский язык, тофаларский, старочагатайский, где вместо j отмечается d (т. е. адаq, qod), якутский язык, где вместо j выступает t (атах, quol), хакасский, шорский и уйгурский (язык желтых уйгуров), в которых вместо j выступает z (азаq, qoz)" [25].

Такое же деление на древние и новые тюркские языки производит С. Е. Малов и по другому фонетическому признаку рефлексу отражения г (заднеязычного). Возрастной признак деления тюркских языков на новые и старые очень уязвим и плохо согласуется с действительной историей тюркских языков, которая знает немало случаев сохранения архаических состояний в относительно молодых языках. Чаще всего архаизмы сочетаются с новообразованиями. Кроме того, в классификации С. Е. Малова дается ограниченный набор дифференциальных признаков разделения языков, причем ограниченный фонетическим уровнем. Было бы несправедливо утверждать, что все попытки классификации тюркских языков не привели ни к каким положительным результатам. Все рассмотренные выше классификации помогли выявить группы тюркских языков, связанных более близким генетическим родством, хотя мнения по этому вопросу не всегда совпадают. Совершенно правильно особо выделяются чувашский и якутский языки. Основной недостаток существующих классификаций коренится в самой методике, которая нуждается в усовершенствовании.

1. См.: Поливанов Е. Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933, с. 34; см. также: Гаджиева Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.
2. Там же, с. 20, 24, 25.
3. Боровков А. К. Вопросы классификации узбекских говоров. Изв. АН УССР, 1953, № 5, с. 72 (Ташкент).
4. Решетов В. В. Кураминские говоры Ташкентской области. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1952, с. 14.
5. См.: Баскаков И. А. Алтайский язык. М., 1958, с. 6973.
6. Баскаков И. А. Ногайский язык и его диалекты. М.Л., 1940, с. 26.
7. Батманов И. А. Северные диалекты киргизского языка, вып. 1. Фрунзе, 1938, с. 1113.
8. Юдахин К. К. Итоги и задачи изучения киргизских диалектов. Труды Инта языка и литры АН КиргССР, вып. 6, 1956, с. 51.
9. Юнусалиев Б. М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка. Труды Инта языка и литры АН КиргССР, 1956, вып. 6, с. 25.
10. Тенишев Э. Р. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. В кн.: Тюркологические исследования. М.Л., 1963, с. 136 - 138.
11. Там же.
12. Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. АлмаАта, 1969.
13. Там же.

14. См.: Общее языкознание, 1. М., 1970, с. 451.
15. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, с. 1016.
16. Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, с. 280, 281, 290.
17. Самойлович А. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922, с. 15.
18. См. об этом: Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, с. 28-32.
- М. Рясянен принял за основу именно эту классификацию, дополнив ее данными Радлова и нек. др.
19. Benzing J., Menges K. H. Classification of Turkish languages. PhTF, 1959, 1, с. 24.
20. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 350-354.
21. Там же, с. 222-223.
22. Там же, с. 230.
23. Там же, с. 240-280.
24. Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1952, вып. 2, с. 2, 139.
25. Там же, с. 14-141.

III

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. ВАСИЛЬЕВ

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Чуваши – тюркского происхождения, являются потомками камско-волжским болгар. Они с давних времен населяют Камско-Волжский район, главным образом, по правому берегу реки Волги, в бывших Казанской и Симбирской (ныне Ульяновской) губерниях, вошедших в Чувашскую АССР, где, из 932.000 человек, они составляют 76%. За пределами ЧАССР чуваш насчитывается около 500 000 человек.

До революции чувашские трудящиеся представляли забитых темных «инородцев», трудолюбивых земледельцев, привязанных к своим раздробленным нищенским сельским хозяйствам, дававшим им только возможность постоянного прозябания.

Будучи частью огромного класса мелких производителей, бесправного, обманутого реформой 1861 года, разоряемого налогами и поборами, вынужденного цепляться за свои клочки земли, чуваша, как государственные крестьяне, в массе все же не испытывали кабалу помещиков, но за то постоянно находились в зависимости от кулака и скупщика кустарных изделий и излишков продукции сельского хозяйства.

Находясь под гнетом своих кулаков-ткуштанов и в большой экономической и культурно-политической зависимости от колонизаторской политики русского торгово-промышленного капитала, чувашские трудящиеся начали жить более или менее сознательной жизнью только со времени революции 1905 года, когда волны крестьянских восстаний прокатились по Поволжью, в особенности по Чебоксарскому, Ядринскому, Чистопольскому и Самарскому уездам.

Но эти раздробленные единичные восстания, скорей даже «бунты», не освещенные политическим сознанием крестьянских масс, не сумели разбудить в чувашах дух борьбы и отваги, а террористическая деятельность некоторых чувашских социалистов-революционеров, как Хури (т. Николаев) в Чебоксарском уезде,

Минаева в Чистопольском уезде вызывала лишь скоропреходящую сенсацию. В. И. Ленин о террористической деятельности с.-р. определенно писал: «Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что только новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будит во всех дух борьбы и отваги. Поединки же именно постольку, поскольку они остаются поединками Балмашева²³, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредством ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка». (Сочин. Ленина, т. V, стр. 150, изд. II).

Еще раньше, в первой половине XIX века, среди чуваш прошли, так называемые, «картофельные бунты»²⁴ в бывш. Косымодемьянском и Ядринском уездах, а в XVII и XVIII веках чувашаи весьма активно участвовали в исторических движениях, связанных с именами Разина и Пугачева. (Из тезисов к докладу «60-тилетие Симбирской Чувашской школы»).

С самого начала XX века (и даже раньше) отдельные выходцы из чувашских трудящихся, побывавшие в больших фабрично-заводских центрах на заработках, а также и лучшая часть интеллигенции начали проявлять интерес к политической жизни. В среду чувашской интеллигенции проникали идеи русского интеллигентского движения, начиная от самого умеренного и кончая самым крайним революционно-террористическим. Одной из проблем, объединяющих часть чувашских интеллигентов, была попытка разрешения взаимоотношений политической борьбы с национальным вопросом. Это выразилось не только в участии отдельных лиц в революционных движениях, но и в создании особой чувашской организации — партии соц.-революционеров, имевшей свою подпольную типографию в г. Казани. В типографии этой печатались прокламации, революционные воззвания и листовки на чувашском языке и через деревенских с.-р. и участников революционного движения распространялись среди крестьян Казанской и Симбирской губ.

Подпольная типография в г. Казани в 1907 г. была раскрыта и казанская группа с.-р. разгромлена. Некоторые представители из

²³ Балмашев — террорист, эс-эр, убивший министра Сипягина.

²⁴ Картофельный бунт не есть реакционное явление, каким можно представить его по описанию тогдашних чиновников. Этот бунт был вызван большими взятками и принудительным собиранием в двойном размере семенной картошки и заменой прогнившего картофеля в царских складах — свежим с гряд чувашских крестьян

этой группы мечтали о создании конституционным путем культурно-национальной автономии чуваш, независимо от территории, так как чуваша были разбросаны, кроме компактной массы в б. Казанской и Симбирской губ. (теперешней Авт. Чувашской ССРеспублики) и по Самарской, Саратовской, Уфимской, Тобольской, Оренбургской и другим губерниям. Им представлялось не создание автономных областей, а автономных национальностей, конституированных независимо от территории.

Было видно, что по национальному вопросу чувашская интеллигенция шла за идейным руководством интеллигенции более передовых народов, как-то: еврейской буржуазной интеллигенции с ее сионизмом, татарской с ее панисламизмом. Здесь сказывались и отголоски программы, принятой австрийской социал-демократией на Брюссельском конгрессе в 1899 г. под руководством Бауэра и Шпрингера. Была идеализация своей национальности, чаяние ее возрождения, но в то же время и опасность исчезновения до вступления этой национальности на культурно-исторический путь. Недаром в те времена любили приводить цитату из VII т. сочинений проф. Овсяннико-Куликовского «национальные пути мышления и действия — это те различные дороги, которые ведут в один и тот же Рим — общечеловеческих идеалов. Поэтому исчезновение какой-либо национальности — это всегда потеря для человечества»...

А признаки вырождения чувашской национальности уже имелись на лицо в виде физического вымирания беднейшей части населения и перехода обуржуазившейся верхушки деревни в другие более сильные нации, как в русскую, так и в татарскую; последнее особенно давало себя знать в районах преобладания татар на почве влияния магометанства.

Беднота же, несмотря на то, что десятки тысяч ее ежегодно уходили в большие фабрично-заводские города: Казань, Нижний Новгород, Сталинград, Баку и др., медленнее подвергалась ассимиляции.

Это происходило отчасти от того, что отходники, будучи в большинстве мелкими собственниками на родине, не могли осесть в крупных промышленных районах и пролетаризироваться, а также не могли усвоить русские обычаи и язык. Но и среди этих отходников, выполнявших самые трудные черные работы в городах находилось немало лиц, отрешивавшихся от своей на-

ции, как угнетенной и вызывающей насмешки со стороны городских мещан и мелких торговцев. Все чувашки знали, с каким презрением эти мещане произносят «Фааиль Ифаныч», называя этим именем всякого чувашина и с насмешкой отмечая мягкость его речи.

Отсюда понятно и то пессимистическое отношение к родной словесности и родной литературе, какое наблюдалось среди большинства интеллигенции в период реакции, с 1908 г. вплоть до Февральской революции. Вся чувашская масса стремилась освоить хоть сколько-нибудь русский язык. Стремление это выражалось в различных формах: даже деревенские бабы и те мечтали говорить по-русски, потому что им приходилось в городах и на базарах иметь дело с русскими купцами и мещанами, не желавшими объясняться на чувашском языке даже и тогда, когда они его немного понимали.

Между тем, чувашам русский язык давался туго, только вульгарные песни и похабщина легко заносились чувашскими отходниками и пелись на «улах» (посиделках); что же касается революционных песен, то хотя они и приносились учащейся молодежью и сознательными рабочими, но мало пелись, так как из них немало пострадало чуваш в 1905—1907 гг. во время крестьянских волнений. Чувашский язык был в загоне, и только Октябрьская революция раскрепостила его и открыла перед ним широкие перспективы.

Чувашская художественная литература своими социальными корнями глубоко уходит в народное творчество, и первые печатные произведения чуваш, увидевшие свет еще до появления чувашского алфавита, скорее представляют плод чувашских трудящихся масс, чем творения отдельных даровитых личностей. Правда, авторы переделывали народную словесность по своему мировоззрению и настроению, но от этого она не теряла своего первоначального характера.

Как уже в первой главе было сказано, чувашки в своей массе жили бедно, в вечной борьбе за существование, под двойным игмом; многим в поисках заработков приходилось уходить на сторону.

И первые чувашские песни, появившиеся в печати, в русской транскрипции, отражают жизнь бурлаков-чуваш из приволжских селений, лежащих между Чебоксарами и Козьмодемьянской. В

этих песнях, собранных в 50-тых годах XIX века неким Михайловым, гражд. Козьмодемьянского уезда, изображена беспросветная жизнь чуваш, когда нужда и голод гонят бедных мужиков на бурлачество и они вынуждены расстаться со своим хозяйством, долями, прекрасной цветущей природой родных полей и лесочков, с заливными заволжскими лугами. В песнях красиво изображены моменты разлуки мужей с женами, женихов с невестами, когда мужчины обещают женам и невестам, остающимся дома, во время прохождения мимо родных мест, петь любимые песни и посылать салам под звуки пузыря и гуслей.

Появление чувашского алфавита и употребление его для издания чувашского букваря и переводческих миссионерских изданий совпали с восьмидесятыми годами, которые явились эпохой глубочайшего кризиса русской интеллигенции и всей передовой общественности. Реакция, возглавлявшаяся известным К. Победоносцевым, не могла допускать издания чувашской светской литературы и потому первые чувашские интеллигентные силы если и занимались собиранием фольклора, то издавать его не могли. Видным работником в области обследования фольклора чуваш был учитель Г. Тимофеев, который в 1900—1903 годах собрал много любопытного материала. В своем труде «Девять деревень» он подобрал чувашские песни, пословицы, сказки, предания и описания празднеств, при чем при объяснении последних он пытался придать им окраску христианских праздников, производя их от христианских событий, якобы, давно известных чувашам.

Такое толкование чувашских празднеств можно объяснить только попыткой подделаться под господствовавшее вероисповедание и цензуру, или полным непониманием вопроса о происхождении народных торжеств и гуляний. Труд Тимофеева в рукописном виде хранится в Чувашском Центральном Музее и представляет сырой материал для любителя чувашской старины и историка.

В 80-90 годы, когда, по выражению А. В. Луначарского, «благороднейшие представители литературы не могли не повернуть к полумистическому толстовству или к безвыходному пессимизму», чувашская интеллигенция не могла быть свободной от этих веяний эпохи. И первое оригинальное произведение на чувашском языке, написанное быв. инспектором Царевококшайского уездного училища М. Федоровым, полно мистицизма, здесь герой —

бедняк молится и чувашским и русским богам, последнему в лице известного сердитого Микул-Чудотворца в с Ишаках. Произведение это под названием «Арсюри» («Леший») написано в 1880-х годах народным бойким языком в стихотворной форме и представляет как бы преддверие изящной литературы

В «Арсюри» изображается бедственное положение чувашина, который на кляче заблудился в бесконечных оврагах Чебоксарского уезда, сам с собой говорит и проклинает подати, из-за которых лошадь не доедает, и он сам вынужден ездить к Николе вымаливать исцеление хворой жене. В конце-концов бедняк готов броситься в реку под мельницу богача, превратившись сперва в хрупкую гнилую хворостину. Стихотворение это, по выражению автора, было написано после долгих попыток перевода на чувашский язык пушкинских произведений «Бесы» и «Утопленник». Оно проникнуто социальными и чисто национальными мотивами, поэтому чувашаи его знали наизусть задолго до его появления в печати.

В начале XX века мы имеем целый ряд чуваш, учащихся средних и высших учебных заведений, которые занимаются собиранием чувашских народных песен. В 1903 году студентом К. Прокопьевым опубликовано в «Известиях Об-ва Археологии, истории и этнографии» в г. Казани много свадебных песен, среди которых весьма замечательной по своему содержанию и форме является приветственная песнь на свадьбе главного свата со стороны жениха у отца невесты. Эта речь носит название «такмак», в ней насчитывается 100-120 печатных строк, рисуется жизнь чувашина в давнопрошедшие времена, «когда он на олене-лосе за невестой ездил, а орел ему на гусях золотым клювом играл».

«Такмак» идеализирует жизнь чуваш, можно думать, что все чувашаи живут где-то в прекрасной стране - весьма богато и сытно, едят на серебре и золоте, перед ними играют песни на гусях орлы поднебесные, а сами они ездят на оленях златорогих.

Революция 1905 года всколыхнула всю крестьянскую массу и, отчасти, чувашскую интеллигенцию. К этому моменту духовные запросы чуваш выросли, они уже интересовались политическими событиями, к ним проникали революционные идеи.

В конце 1905 г. появляется либеральная чувашская газета «Хыпар» («Вести») в Казани. Она впоследствии полеveled, перешла в руки приверженцев с.-р. террористов и летом 1907 года бы-

ла закрыта. Газета сыграла роль собирателя чувашских революционно-настроенных сил, а также выявляющихся журналистов. В ней впервые появляются революционные песни-стихи. Самый старый из теперешних чувашских поэтов Н. Полоруссов впервые появился на страницах «Хыпар», где поместил большое стихотворение «Змий», рисующее жало революции, пугающее царское правительство. «Хыпар» была популярной и понятной чувашской газетой, но ее не так-то легко было распространять: с одной стороны, чувашаи еще не привыкли к периодической печати и не могли платить за газету, с другой — полиция преследовала как распространяющих, так и выписывающих. В «Хыпар» печатались довольно революционные вещи, но попадали и реакционные произведения, как, например: «Урожайный год» Кириллова.

В этом произведении изображена семья богобоязненного скупого богача, женившего сына на весьма «пристойной» девице из хорошей семьи. Впоследствии этот Кириллов дал несколько рассказов, из которых реакционнее всех рассказов — «Бог труды любит», где наизнанку изображается дифференциация деревни и герой рассказа — ойрота, прожив в большом приволжском городе у богатых и «благочестивых» людей, становится образцовым женихом во всей волости, женится на богатой и впоследствии становится «знаменитостью» волости — старшиной.

Совершению обособленно стоят произведения, появившиеся в период 1907—1911 г. в городах Симбирске и Казани.

Из Симбирской чувашской школы в 1907—1908 гг. вышли впервые лучшие произведения чуваш, среди которых весьма богатой и сильной является поэма «Нарспи» К. В. Иванова — талантливому чувашскому поэту и художнику. Так как чисто художественные оригинальные произведения брались под сомнение (за исключением, например, рассказов Кириллова), то первые произведения лучших поэтов того времени были изданы в одном сборнике под названием «Сказки и предания чуваш».

В «Нарспи», помещенной в этом сборнике, обрисована несчастная любовь красавицы Нарспи — дочери богатого кулака, который насильно выдает свою дочь за богача другой соседней деревни. Нарспи, влюбленная в деревенского бедняка-сироту, борется долго против судьбы и, наконец, отравляет мужа; она гибнет из-за проклятия отца, повесившись в лесу на дереве.

Герой в «Нарспи» — Сетнер неграмотный, нерешительный и

в борьбе с богачем Михетером инициативу уступает Нарспи, ставшей после убийства мужа его женой. Сетнер сетует на судьбу, пославшую ему несчастную долю, когда нет воли, нет денег и имущества, а есть враг, которого он мог бы победить, если бы не боялся народной молвы. А Михетер — это богач-кулак, всецело упирающийся корнями в свои поля и луга, на которых пасутся его стада и табуны; он совершенно незнаком с городской культурой, ведет натуральное хозяйство. Он ни за что не хочет сродниться с бедняком, безродным Сеттером и проклиняет его и свою дочь, котла после убийства мужа они сошлись вместе. Но, несмотря на это, когда воры напали на Михетера, Сетнар бежит на помощь своему тестю и от руки воров погибает.

В поэме очень много сочных бытовых и пейзажных картин, до сих пор непревзойденных еще в чувашской литературе. Поэма вся проникнута фатализмом и особым мистицизмом, на основе изображения подневольной доли чувашки.

В сборнике имеются еще две поэмы Н. Шубоссинни, рисующие быт чуваш и их суеверия, возникшие на почве беспросветной жизни и вечной борьбы со стихией. Эти две поэмы, написанные на основе мистических рассказов чуваш из области любви, отображают влияние «Демона» Лермонтова, особенно поэма «Змий страсти»; здесь описывается, как к одинокой девушке в образе деревенского юноши прилетает злой дух страсти. В поэме много красивых образов из заговорной речи в стихотворной форме.

В этих поэмах и рассказах молодыми поэтами довольно красочно переданы социально-бытовые явления чувашской деревни; так Иванов взял эпоху пятидесятых годов, а Н. Шубоссинни — время после 1905 года, когда в деревню уже проникли грамотность и даже революционные песни. Как в «Нарспи», так и в «Янтрак янтраве» изображена борьба между беднотой и кулаками, у чуваш называемыми «куштанам», только борьба в них принимает различный характер и форму, соответственно производственным отношениям и типам героев.

Герои в «Янтрак штраве» отличаются от героев Нарспи». Они все почти грамотные, а кулак Янтрак на сходе и прошение сам составляет и ходяком к лесничему его выбирают. Его враги молодые парни во главе с Петром и Тракка тоже достаточно грамотны, а Степан даже учится в городе и приезжает в форменной одежде в деревню.

Здесь дело разворачивается на общем фойе безземелья крестьян, нуждающихся в выгоне, но сдающих в аренду Янтраку общественные пустопорожные места за водку. Молодежь сопротивляется и жестоко набивает кулака, но впоследствии кулак мстит, убив вилами героя Петра, когда он собирался увести замуж его сестру. Действие происходит уже вначале реакции и потому неудивительно, что в рассказе, под руководством кулака Янтрака, была отобрана часть школьной земли.

Если мы дальше проследим движение чувашской литературы, то в реакционные годы не можем похвалиться ни одним солидным изданием, кроме маленьких брошюр (и те в здании военного времени). После закрытия газеты «Хышар» никаких журналов и альманахов ее издавалось; чувашские литературные силы разбрелись по разным городам и деревням. Например, теперешний поэт Полоруссов скитался по Сибири. В Сибири же погиб Таяр Тимки, сотрудник «Хышар», давший несколько революционных песен. Чувашская интеллигенция изуверилась в будущем чувашской литературы — и мы видим в эпоху 1908—1914 гг. только две заметные книжки. Одна — Н. Шубоссинни с 7 стихотворениями и другая — сборник народных песен, собранных Пазухиным, П. В. среди чуваш Казанской и Симбирской губ.

В брошюре Шубоссинни бодрые песни сменяются унылыми нотками. Одни названия «Сирота», «Одинокий» уже говорят о чем-то упадочном и, действительно, в них ярко выражено преклонение автора перед «усовершенствованием личности», воспевается индивидуализм. Среди песен имеется сочный фельетон-пасквиль «Пьтелмей», в котором зло осмеян деревенский богач мельник с сыном-гимназистом «светлопугавкиным», отрицающим физический труд и хвастающимся, что он работает головой. Здесь отразился в резкой форме отход интеллигенции от трудящихся в те реакционные годы, когда чувашские интеллигенты уже мало интересовались политикой, когда им прежде всего нужно было самим «продвинуться» вперед по лестнице служебной карьеры. Каждый шел в разброд вперед, что ярко отображено в лирических стихотворениях «Одинокий» и «Наш путь». В этом же сборнике помещена песня трубокура «Трубка», которая стала весьма популярной среди чуваш, вызывая до сих пор подражания. «Трубка» в форме гимна табакокурению осмеивает табак и курящих, нередко являющихся виновниками деревенских пожа-

ров (она и написана-то после пожара в с. Альгешево). Эта песня до сих пор в деревнях декламируется на различных литературных вечерах. Кроме указанных авторов был еще ряд писателей, как: Тхти, Кореньков, Юркин, но произведения их не собраны и их трудно учесть.

Вот почти вся литература, созданная в период дооктябрьской революции. Она мала по размеру и проста по содержанию. В ней, однако, много материала для филолога, но немало и для этнографа и социолога.

Что же касается переводной литературы, как-то: произведений Лермонтова, Пушкина, Толстого, Андерсена (сказки), то они большой роли в чувашской литературе не сыграли, хотя и послужили первым толчком к появлению «сказок и преданий».

И. БОРОЗДИН
**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СССР**

На этом заседании я хотел бы сделать небольшое сообщение, более декларативного характера, об основных задачах изучения материальной культуры тюркских народов Советского Союза.

Вопрос об актуальности этого изучения имеет уже свою небольшую историю. Дело в том, что тюркские народы нашего Союза лишь в послеоктябрьский период получили полную возможность изучать свое прошлое и осознать свое настоящее. Из-за этого, вполне естественным стало увеличение их интереса к изучению своего культурного прошлого.

Впервые вопрос, что нас интересует, поставлен на Бакинском Всесоюзном Тюркологическом Съезде, на первом курултае, где собрались представители разных тюркских народов нашего Союза. Хотя этот съезд имел определенный уклон в сторону практической лингвистики, однако вопросы изучения материальной культуры здесь были поставлены, и так же намечены некоторые пути к их решению.

Еще в большей мере с этими вопросами мы столкнулись на конференции археологов СССР в Керчи, где была организована особая секция тюрко-татарской археологии. В этой секции, где бойко обсуждались дебатировались разные вопросы изучения культуры тюрков, вынесено постановление о насущной потребности организовать конференцию для изучения материальной культуры и искусства тюркских народов в СССР и включить соответствующие вопросы к программу следующего второго Всесоюзного Тюркологического Съезда в Самарканде.

Научная Ассоциация Востоковедения при ЦИК СССР, которая занимает видное место в деле изучения культуры Советского Востока и, в частности культуры тюркских народов, обратила серьезное внимание на реализацию этих пожеланий и постановлений. В феврале этого года исторически-этнологический отдел созывал совещание, где целый ряд специалистов выступил с программными докладами; в них были намечены основные проблемы в изучении тюрко-татарской материальной культуры. К сожалению, конференция, которая предусматривалась в Бахчисарае, не состоялась; она, по-видимому, будет созываемая в другой тюрк-

ской столице. Во всяком случае подготовке к ней нужно уделить двойное внимание. Съезд в Самарканде не за горами и пересмотр того, что мы наметили сделать, обязательно надо провести.

То, что материальная культура тюркских народов не совсем достаточно изучена, это, кажется, стало общим утверждением, с какой бы стороны этого вопросы мы не подходили, поэтому мы везде и сталкиваемся с недостаточным документированием (этого изучения).

Культура тюркского мира широко развернулась от северных степей до Индостана и от тихоокеанских берегов до Адриатики. Мы имеем целый ряд интересных местных проявлений, локальных вариантов, но везде мы вынуждены ограничиваться в значительной степени письменными источниками, часто тенденциозными, часто не достаточно верными, часто односторонними. Материальные проявления культуры, который в данном случае должны были бы играть огромную роль, изучены чрезвычайно убого. Почти совсем не тронуты археологическими раскопками места, что дали позволили бы более широко осветить прошлое тюркских народов.

Позвольте привести несколько примеров, что касаются, главным образом, изучения культуры тюрков Советского Союза.

Первый вопрос, представляющий исключительный интерес, это вопрос о ранней истории культуры тюрков и быта кочевых племен - вопрос о первом появлении тюркских народов на арене мировой истории. Мы имеем недавнюю монументальную книгу Г. Е. Грум-Гржимайло, где значительное место отведено ранней истории тюрков. Здесь мы видим, как мало сделано в сфере археологического изучения этой проблемы. Систематических и планомерных раскопок почти совсем не осуществлялось. Между тем, как раз здесь только одни материальные памятники могли бы пролить свет на спорные моменты домусульманского периода.

В чрезвычайно интересной публикации крупного французского историка Гальфена «*Les barbares*», которая совсем недавно вышла в свет, мы сталкиваемся с интересной попыткой связать так называемое великое переселение народов с передвижениями племен тюрков в центральную Азию. И здесь опять дает себя знать недостаточность чисто археологических данных.

На изучение ранней материальной культуры тюрков нужно обратить серьезное внимание наших исследователей тем более,

что уже имеется благодатная почва.

Вот несколько примеров в качестве иллюстраций. Такие две значительные тюркские культуры, как культура хазар и культура болгар на Волге, опять таки нам известные более на основании очень незначительных письменных источников. Все, что относится к истории материальной культуры хазар выглядит как здание, построенное на песке. В нашем распоряжении определение чисто хазарских вещей, но и оно достаточно условно. Недавно один из российских историков выразил мнение, что хазары так и не создали своей культуры. Это была большая торговая площадка, которая лишь транспортировала чужое, а своего не создавала; правда, этот взгляд противоречит утверждению выдающегося шведского археолога Дрне, который придает большое значение хазарской культуре. В данном случае показательна уже сама возможность такой постановки вопроса. Все это указывает, как мало обращают внимания на интересную культуру широкой империи тюрков, которая господствовала на протяжении длительного времени. В этой ситуации, как правило, упоминают раскопки в Дагестане и в районе Поволжья. Очень ценны результаты раскопок Верхне-Салтавского могильника, но вопрос, можно ли причислить его создателей к хазарам, вызывает некоторые сомнения.

В целом слабо и незначительно исследована болгарская культура. Гораздо лучше изучен ее татарский период (XIII-XIV ст.), но и раскопки на знаменитом болгарском городище осуществлялись не систематически и не планомерно. Ожидают своего археологического изучения немало мест на территории Татарской республики и Чувашской республики, которые ознакомят нас с интересной культурой Волги, экономически связанной с Югом и Востоком. Они дадут интересный материал для конструкции социально-экономического уклада и быта этого своеобразного государства тюрков.

Еще менее мы можем сказать о тех кочевниках, которые быстро сменяли друг друга в наших степях, тучами проносясь по территории Украины: печенегов, торков, половцев, берендеев, черных клобуков и прочих. Пока есть лишь один труд, что посвящен этим кочевникам; я говорю об известной книге киевского проф. Голубовского. Труд этот, как известно, построен на письменных источниках, так что дело с археологическими источниками о кочевниках обстоит не совсем хорошо. Правда, отдельные

археологи делали попытки определить принадлежность некоторых из этих кочевых культур, но это, так сказать, лишь первые опыты, первые наброски, что потребуют еще подтверждения и другими источниками. И здесь Украина может сказать свое авторитетное слово.

Теперь позвольте перейти к татарской культуре. Интенсивное изучение татарской культуры, особенно ее ранних проявлений (Золото-Ордынского периода) приходится на современную эпоху. Красный Октябрь в данном случае стал настоящей красной чертой. До недавнего времени о татарах судили, главным образом, по письменным источникам и незначительным археологическим раскопкам; лишь в послеоктябрьский период, когда начались раскопки в Поволжье (исследования проф. Баллода в Старом и Новом Сарая), а более поздние изыскания Крымского правительства вместе с Научной Ассоциацией Востоковедения в первой столице крымских татар — Солхати (Старый Крым) и в Ески-юрте (в районе Бахчисарая) в значительной степени изменили картину наших представлений.

Теперь мы имеем новые сведения об экономике, социальном укладе и быте татар. Мы должны отказаться от идеи о них как о каких-то диких кочевниках; напротив — для той эпохи мы находим хорошо организованные города с роскошными зданиями, дворцами, школами, караван-сараями, мечетами, мастерскими, водопроводами.

Особенно интересно было отметить в наших крымских раскопках наличие гончарских мастерских, где изготавливалась та посуда (золото-ордынская керамика), которую часто считали, за привозную и видели ее истоки в Византии.

О достаточно высоком культурном уровне крымско-татарской столицы говорят остатки медресе круг мечети Узбека, прекрасного монументального здания, с сильным сельджукским влиянием.

Чрезвычайно ценным источником для золото-ордынской культуры в ее крымских проявлениях являются надписи на могильных плитах, выявленные и найденные в большом количестве в Солхати. Эти надписи знакомят нас с этническим и социальным составом населения, а также с бытовыми моментами. Сами могильные плиты имеют также несомненное историческо-художественное значение.

Археологические работы в Старом Крыму и Поволжье дейст-

вительно воскресили ранний период истории татарской культуры. Здесь нужно лишь продолжить начатые исследования, расширяя и углубляя их. Нужно отметить все промежуточные влияния и всю экономическую и культурную взаимосвязь между Малой Азией, Мамлюкским Египтом, Средней Азией и Дальним Востоком. Рядом с золото-ордынской культурой надо продолжить изучать татарское прошлое более поздних эпох (XV—XVII ст.). Однако, и на почве Крыма и особенно в Татарстане изучение этих вопросы пока еще не поставлено на должный уровень. Достаточно сказать, что совсем не исследован Казанский Кремль.

Переходя теперь к тюркам Кавказа, в частности к жителям Азербайджана, приходится и здесь отметить очень малую степень изученности этой проблематики. А между тем, именно здесь как раз и заметны интересные проявления элементов тюркских культур на фоне культурных наслоений Закавказье с сильным персидским акцентом. Опять-таки лишь в самое последнее времена начаты соответствующие изыскания в Баку (раскопки Девичьей башни проф. Зуммером, исследования территории дворца). Здесь поле для исследований открывается очень широкое.

Материальная культура тюрков Средней Азии после начатых разными Всесоюзными та Среде-Азиатскими организациями исследований, далеко еще не изучена во всей ее полноте. Можно даже утверждать противоположное. Мы не имеем даже реестра памятников, не говоря уже о систематических раскопках. Хорезм, который играл такую огромную культурную и экономическую роль и имел динамично развивающиеся торговые сношения с Поволжьем и Крымом, совсем еще не потревожен лопатой археолога. Как много может дать для изучения материальной культуры тюрков и их искусства раскопки в Средней Азии, указывают хотя бы терракоты Узгена и достопримечательности Мерва (мавзолее султана Санджара). Одним словом в Средней Азии непочатый край для археологических исследований.

Мы могли бы привести еще многих примеров, которые указывают сколько мы еще должны сделать в области изучения материальной культуры тюрков, но время, отведенное для моего сообщения кончается.

В заключение я позволю себе коснуться еще двух-трех вопросов. Кроме культуры прошлого нам нужно изучать и культуру современную, что имеет также очень показательное значение; здесь

археология должна подать руку этнографии. Интересно проследить, например, устойчивость типичных тюркских элементов культуры, которые развивались в самых разнообразных комбинациях. Например, шахматные фигурки, которые производятся в Танну-Тувинской республике, очень ярко демонстрируют нам свои тюркские черты, которые не исчезли и на далеком севере. Эту стойкость тюркских традиций мы видим в памятниках прикладного искусства и художественной промышленности. Наши искусствоведы, уделяя исключительное внимание «высокому искусству», почти не считаются с искусством народным, которое представляет большой интерес в исторически-культурном и социологическом отношении. Между тем, как раз художественное ремесло лучше всего может знакомить с художественным творчеством того или иного тюркского народа. Производство ковров, тканей, керамики - все это говорит о своеобразном искусстве тюрков.

На современном этапе, в связи с возрождением художественных ремесел, у нас возник определенный интерес к изучению ее прошлого. Открытый в Москве Музей Восточных Культур развернул специальную выставку, посвященную художественной эволюции и технике туркменского ковра. Художественные вышивки Старого Крыма пристально изучены в труде Спасской. Это лишь первые ласточки. Изучение художественных ремесел тюркских народов должно войти в программу ближайшего дня.

Мне хотелось бы еще сказать несколько слов о сложных проблемах, связанных с изучением архитектуры тюрков. Наряду с архитектурными исследованиями делаются попытки стилистического анализа, основанного на формальных методах. Это, обычно, все очень интересно, но не достаточно доказуемо. Утверждения, например, о том, что в мусульманской архитектуре мы видим преобладание пространства над массами вызывают возражение. Большой интерес в изучении тюркской архитектуры замечен и у нас, и за границей.

Все о, чем я говорил выше, свидетельствует об одном, что нужно планомерно, систематически и глубоко изучать материальную культуру тюрков. Мы должны выполнить свой долг не только перед тюркскими народами нашего Союза, но и перед мировой наукой. Ближайшие практические пожелания позвольте формулировать следующим способом: 1) Усилить преподавание материальной культуры и искусства тюркских народов в

наших ВУЗах; 2) организовать специальный научно-исследовательский институт; 3) образовывать специальные общества, секции или отделы при существующих научных организациях, которые должны изучать тюркские народы; 4) организовать конференцию для изучения материальной культуры тюркских народов СССР; 5) подготовиться в дальнейшем к всесоюзным (в дальнейшем к международным) тюркологическим съездам.

Мне хотелось, чтобы такое авторитетное собрание, как Съезд Всеукраинской Научной Ассоциации Востоковедения, которая объединяет в своих рядах выдающихся специалистов, подтвердило эти положения и, с призванными к новой жизни тюркскими народами, приняло по мере сил участие в нашем общем деле.

IV

ЗАРУБЕЖНАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

ЗАРУБЕЖНАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

Arnold REISMAN

THE STORY BEHIND THE STORY OF TURKEY'S MODERNIZATION: REFUGEES FROM NAZISM AND ATATÜRK'S VISION

New Academia Publishers, Washington, DC. (2006)

http://www.newacademia.com/turkeys_modernization/

While browsing through an Istanbul book store I came across “Turkey and the Holocaust.” Being a Holocaust survivor and considering myself somewhat knowledgeable about its history the book grabbed my attention. I knew nothing about what was so painstakingly documented by its author Stanford Shaw. Noticing my agitation the shopkeeper engaged me in a conversation. Suddenly I realized that this Turkish native was very familiar with a subject which, upon my return to Cleveland, I learned that stateside people teaching Holocaust history were as ignorant on the matter as was I. Dealing mostly with the Turkish government’s role in saving Turkey-connected Jews residing in both occupied and Vichy France, the Shaw book briefly touches on the subject of the German and Austrian intellectuals invited to Turkey by Ataturk for the purposes of creating a modern system of higher education. This peaked my interest. With the help of professional archivists worldwide and a number of friends who live in Turkey and in Israel, I set about researching and writing the story.

The book chronicles the story of a group of individuals caught at a crossroads and targeted in the crossfires of history. In 1933 events in their native Germanic lands presented them with a “Hobson’s choice”—leave if you can or die! Their lives were saved because Turkey was discarding the society and culture inherited from the Ottomans’ derelict and shattered empire while recognizing and addressing the need to modernize its society, culture, way of living, and system of higher education.

In the Spring of 1933 a German Jewish physician set up a Swiss-based organization to help place as many of the expelled German intellectuals and professionals (not all of them Jewish) as he could outside Nazi-dominated lands. One of the countries contacted was Turkey. Their success is the basis for this book. Many individuals and their families could not go to America because anti-Semitic hiring practices in universities and hospitals were rampant. Their problems were com-

plicated by the fact that the State Department had little interest in granting visas to Jews. But Turkey needed the brains and skills these men and women possessed and offered contracts and accommodations to a group of almost 100. Those who were chosen could look to Turkey as a safe haven. This held true from 1933 until World War II's end in 1945. Many years later, these survivors came West and enriched all of our lives, directly or indirectly.

The Third Reich encouraged these emigrations until 1941. The process served several purposes for the Nazis. One was to increase German influence in Turkey. Though the Reich would have preferred to send Aryan and especially Nazi professors in the early 1930s, few were willing to go. German Jews and *mischlings* (mixed breeds, to use the Nazi term) were considered the next best choice of hostage, because many had property and relatives remaining in Germany. The latter, of course, could, and indeed were, be used to serve the Reich's purposes. Also, Hitler wanted to keep Turkey neutral. All these maneuvers counted as chits to be invoked as and when necessary.

Using a collection of third-party archival documents, cotemporaneous family and collegial correspondence, memoirs, oral histories, photos, and other surviving evidence I documented the fears, the courage, the heartaches, and the determination of these brilliant people as well as their contributions to shifting established paradigms in several fields of knowledge.

As a sophomore at UCLA, I remember juniors and seniors excitedly discussing "the German professor's" philosophy lectures. I couldn't wait till I could take his course as an elective outside of my engineering major. Sadly for me, he died just before the semester I was to take his class. Little did I know then that, over half a century later, I would be learning about Hans Reichenbach's life, talking via long distance to his 96-year-old widow, Maria, and his daughter, Elizabeth. As a first-year graduate student, I was not aware that Richard von Mises, William Prager, and Arthur von Hippel, authors of seminal texts I was reading, would appear in the course of my research for a book manuscript on their enforced exile years.

While moving away from mathematical dynamics of fluid flow and the highly experimental materials science and beginning to read for my dissertation in the fast-emerging field of Operations Research, I quickly learned about America's pioneers in the science of management—the time studies of Frederick W. Taylor and the motions studies

by Frank and Lillian Gilbreth (*Cheaper by the Dozen*, 1948). I was also impressed to learn that the modern American (as well as urban Turkish) home kitchen was designed to conserve limb motion and body movement. It was not until doing research for this book that I learned who had first converted these efficiency ideas into kitchen design blueprints. Margarete Schütte-Lihotzky, an Austrian architect, integrated this concept into large multi-dwelling complexes that had been built in Austria and Germany for working-class families in the 1920s. I also learned that there was an anti-Nazi underground in Austria and that Schütte-Lihotzky, (and a fellow Austrian architect) left Turkey to join this movement. I did not understand that each time my doctoral advisor would invite me to have lunch at the UCLA Faculty Club, I would be sitting in the same room as the great Turkologist, Andreas Tietze, the superb sinologist/sociologist, Wolfram Eberhard, and the renowned theatrical producer and opera director, Carl Ebert.

Long after my student days, I listened to Paul Hindemith's music being performed by the Cleveland Orchestra. By the time the children of my children had reached young adulthood, I had spent many a Saturday morning at the Atatürk Arts Complex in the Taksim Square of Istanbul where the music was always good, as was the company of my Turkish friends, and the ticket price always low, thanks to municipal subsidies. I have only recently found out that the original concert hall was designed by Clemens Holzmeister in collaboration with the very same Carl Ebert whose theatrical and operatic productions I had so enjoyed in Los Angeles back in the 1950s.

In the late 1950s, I did not reflect on the possibility that the optical, solar, and radio telescopes I was helping design would be used over the coming decades by astronomers who, like me, had had to escape from the Nazis. Nor could I have known in the early 1940s that, in Istanbul, only one night's voyage away across the Black Sea from Feodosiya, there were young displaced persons like me. But, unlike me, they were living fairly normal, happy lives surrounded by family, and each was receiving a good education. They were under the protection of the "barbarian" Turks while I was in Feodosiya and elsewhere often just trying to be on the "right side" of the battle between armies of the "proletariat" Russians and those of the "civilized" Germans. It was the Germans that I feared most.

I was keenly watching the news coming in from Europe when the Soviet Union cut off ground traffic in an attempt to starve the Allies

out of Berlin during the first stand-off of the Cold War (1948), but I did not make the connection that Berlin's mayor at that time was Ernst Reuter, whose life had been saved by a Turkish invitation to help set up their universities and city planning organizations.

As an amateur sculptor, I enjoyed seeing a Rudolf Belling sculpture every time I went to give guest lectures at the Macka campus of Istanbul Technical University. The older I become, the more I get X-rayed, CTed, and MRIed. So when that happens, I think of physicist, Friedrich Dessauer, an early X-ray researcher, and Carl Weissglass, his engineer. I also think of radiologist Max Sgalitzer, a victim of excessive exposure over a lifetime of pioneering this wonderful diagnostic medium, and his Istanbul wing mates, Walter Reininger, the engineer and inventor of an early dosimeter, and Margarethe Reininger, an early radiological nurse, one of a husband-and-wife team.

As I researched material for this book, I came to the conclusion that Erica Bruck's research publications and laboratory manuals/standards have influenced the health care I received in California, Wisconsin, and Ohio. The same is true for my children and grandchildren who are scattered around the globe. Also, with age, many more of my friends have to fight off cancer, a dreadful disease indeed. Each time the word comes up, I think that if a cure is ever found, zoologist Curt Kosswig will have played a role in that outcome.

Ignorant as I am of immunology, I cannot help but wonder whether the work in this field by immunologist Felix Haurowitz influenced the use of Bacillus Calmette-Guerin vaccine (BCG), a tubercular agent, widely used to prevent reoccurrence of bladder cancer. As I followed the controversy surrounding the Smithsonian National Air and Space Museum's exhibit entitled "The Crossroads: The End of World War II, the Atomic Bomb and the Cold War" and the uproar regarding the refurbishment of the warrior plane Enola Gay, all to mark the 50th anniversary of the end of the war in 1995, I had no idea the museum's director at the time was Dr. Martin Harwit, the son of Felix Haurowitz. And to my great, although pleasant, surprise, while in the final stages of getting the manuscript ready for the publisher, one of its guest copy editors, Jean Hull Herman who spent sixteen years as editor-in-chief of MÖBIUS, The Poetry Magazine, was shocked to learn that Erich Auerbach, one of her literary idols, wrote his classic account of the genesis of the novel, *Mimesis*, while in Turkey.

Being interested in the history of science, I was delighted to read

in Albert Einstein's own words that astronomer E. Finlay Freundlich "was the first among fellow-scientists who has taken pains to put the [relativity] theory to the test." But I was shocked to read Albert Einstein's letter of May 2 1936, saying, "he was told explicitly that they did not want to hire Jews at Princeton [University]." On the other hand, as a survivor of the Holocaust, I was delighted to learn that an invitation from the Turkish government extracted dentistry professor Alfred Kantorowicz from nine months of concentration camp incarceration, that ENT specialist Karl Hellmann was able to yank his brother Bruno out of Buchenwald and bring him to safety in Turkey, and that pediatrician Albert Eckstein was influential in persuading ministers of Turkey's government to let European Jews go through Turkey, thus saving over 20,000 Jews from extermination, including a train load of 233 souls that came out of Bergen-Belsen in July of 1944.

It is sad but true that when I contacted professionals teaching Holocaust history at the local schools, and colleges, as well as some of the rabbis who had given recent sermons on the subject, none had any knowledge whatsoever of Turkey's role in saving so many intellectuals. Of the larger issue of Turkey and the Holocaust, they either had fragmentary knowledge (such as the sinking of the refugee ship Struma in the Black Sea with great loss of life), were grossly misinformed, negatively predisposed (particularly in the Struma incident), or all of the above.

Likewise, each time I run into a Turkish intellectual, academic, or practicing physician, engineer, musician, artist, or lawyer, I can't help but think about how profoundly their educations were influenced by their "German" professors.

But above all, I think of the men and women whose stories of enforced but life-saving exile are the very essence of this book. And, each time I read of a scientific or technological development affecting all of us, I can't help but consider possible linkages back to the work of the émigrés in Turkey, their progeny, their students, and the ensuing generations of all of the above.

The work of these émigrés and their advancements, as well as the work they each inspired in their students and colleagues worldwide, boggles the imagination. Had that been lost, a whole range of disciplines would have certainly been impacted, some irreparably.

V

ТЮРКСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

ТЮРКСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Сеспел Мішші
НАСТАНЕ ЧАС

з російської мови переклав М. Кирчанів

Настане час — і чуваська мова зможе рубати залізо. Стане вона гострою мов розжарена сталь. Настане час — і пролунає над землею чуваська пісня. Любовно прославить вона чисте небо, радісний мир, червоне сонце. І розіллється чуваська пісня треллю жайворонка з блакитної висоти. І зарокочуть в ній хвилі морські, зашумуть високі діброви, зазеленіють безкрайні луки. Але ніхто не почує в чуваській пісні скорботного плачу минувщини.

Всі побачать сяйво щастя. Пролунають над волзькими берегами багатострунні гуслі миру, - це буде чуваська пісня! Що ні слово — вогонь, розжарена сталь.

З часів стародавніх жив чуваський народ в неволі. Яке тільки горе він не пережив, якої муки не зазнав він, щоб зберегти рідне чуваське слово! Похнюплений, до очей насуваючи шапку, не зронивши ні слова, стояв чи сидів на землі чувашин. Лютий гніт і насильство не утамовувалися — і розігнали, розсіяли чувашів. Хто куди розбіглися вони. У глушину дрімучих лісів понесли своє слово...

Сирий чувашин, бідолашний чувашин! Розлучили тебе з братами і сестрами.

По-чуваські і пікнути не давали тобі чужаки-багатії.

Але і в горі, і в незначності ти проніс незаплямленим своє ім'я до внуків і правнуків. Ніякі утискання не роздавили твого слова. Століття проходили. Мову твою терзали з усіх боків. Ти говорив пошепки, а мова твоя, мова чуваська, вона є здоровою і понині. Всупереч всьому, що з тобою було, вона є, збереглася.

Хай живе вона і надалі!

Ця бувальщина знаменує незаперечно, що сталлю свого слова чувашин буде завжди висікати грім і блискавку. Звідси — наша надія і твердість. Віримо! Настане час!

У кого немає віри, хто соромиться, що він родом чувашин, і чорнить своє ім'я, тих ми по-чувашьські відкинемо стусаном з дороги.

У кому є віра, той щасливий. Не забудемо знущань, випробуваних нашими дідами. Мова, що пройшла через горнило цькування, не зникне з світла. Донині приглушена, вона зазвучить голосно. Чуваське слово, чуваські пісні, подібно волзьким хвилям і лісовому шуму, задзвенять багатострунними гусями.

Чуваська мова, точно розжарена сталь, зможе рубати залізо.

Настане час! Настане час! І коли настане він, то людину, що написала це, згадуватимуть словами: «Так, правду він говорив!»

1921 р.

Владімір Степанов

ЗМІЯ

Розповідь

Владімір Степанов належить до числа чуваських письменників середнього покоління. Розповідь «Змія» вперше була видана на чуваській мові в часописі «Таван Атал» («Рідна Волга»). У 1996 році розповідь була перекладена російською мовою і опублікована в журналі «Новий ЛИК». Ірина Мітта переклала розповідь на російську. З російської на українську переклав Максим Кирчанів.

1. Прибуття

Немов навмисне, як на біду, народилася вона на світ змією. Вужем звичайним. Виповзла з яйця вже з розумом, що сформувався, і в тиші нічому навіть не здивувалася, ніби прожила довге століття – від всього втомилася, і все їй набридло.

До самої своєї смерті вона так і не взнала, не зрозуміла і уявити не могла, що прожила на білому світі гадом, тварюкою повзучою з роду проклятих і покараних. Так що значило для неї це поняття – життя?.. Вона не знала і не взнала, і поняття не мала, що живе. Втім, кажучи по правді, це не тільки її біда.

А що змією вона народилася, так знову ж таки – сама що ні є випадковість, неймовірний, але простий збіг: на Землі мешкають міриади живих істот. Важко уявити, але і невидимі страшні мікроби, і дрова, які кидаємо у вогонь – з цієї категорії, все це є і буде: жило – погнило. І саме з людської вини вони перетворилися на нічого, на свій розсуд ми їх перерахували, наклеїли ярлички і відділили від людини. Ми горді і дурні, щоб радитися з природою, ні, ми питаємо у самих себе – у людини; не

привчилися ще питати у тих, хто старіше і мудріше за нас, так нам цього і не потрібно. Ми хитрі, може, підступні навіть, – ставимо питання тільки тим, хто з готовністю дасть правильну відповідь, саме ту, яку хочеться почути, і яку ми чекали – так спокійніше, і на душі неначебто легко. Нас зрозуміють, наші дії виправдані, є ще сенс проявляти ініціативу.

На Землі існує безліч видів живих істот, більш ніж треба, тому з'явитися на світ змією, до того ж на маленькому п'ятачку землі під назвою Чувашія, досить-таки складно. Важко, практично неможливо. Колі не вірите, – спробуйте самі. Скільки на світі змій – невідомо абсолютно, платниками податків вони не є, і держава не веде їм рахунок. Це чудово. Якби знали скільки їх, деякі б засмутилися, що так мало, а більшість – найімовірніше, тільки зраділо б: мол, так їм і треба, і без того кисню катастрофічно не вистачає.

Дуже навіть запросто змія могла народитися якою-небудь мухою, може навіть домашньою! Мух на світі багато, навіть дуже, та і всяких. Оскільки вони всім до такого ступеня обісіли, ми давно вже не рахуємо їх за живих якихось там істот, для нас вони просто мухи, якесь покарання. Манісінькі такі, осоружні – замахнутися б та як ударити, мокрого місця не залишиться – а все ж таки знають свою «улюблену» справу. Не вірите? Тоді погляньте на лампочку. Мухи вас не забули! З другого боку, ми самі неначебто їх розводимо, якби нас було менше, мух теж було б менше. У якійсь мірі вони – діти прогресу і цивілізації. Ми створюємо більше благ для мух, ніж для нас самих, в цьому людська гуманність. Муха – друг людини, його крилатий супутник. Ніякого пуття від нахаби, а розмножується – будь здоровий. Чом би їй як корові, ну, хоча б як козі, не давати людям молока і м'яса? А якби давала?

Звичайно, у змії мало шансів народитися людиною – вінцем природи. Людей не так багато, як мух, всього трохи більше п'яти мільярдів. Але кожен п'ятий з нас – китаєць. Виходить, що легше народитися китайцем, якщо на те пішло – шансів значно більше.

Але як би там не було, вона з'явилася на світ в лісі, на Сурі, на початку вересня, і народилася змією. Вужем. Точніше, не народилася навіть, а виповзла з яйця: немов навмисне, щоб мучитися, нести своє прокляття. Все ж таки це щастя, народитися на світ людиною, ще більше щастя – вирости їм.

Говоримо, дім рідний, для деяких птахів навіть майструємо кубла. Рідний дім, хата рідна! Іноді в лісі так і хочеться схопитися на перший пень, що попався, і стрибати, кричати у все горло: «Рідний дім!» Якраз такий пень і був рідним для змії. У прогнилому пні, в якому вона народилася, лежало ще близько двадцяти маленьких довгастих яєць, схожих на голубині. Змія не знала і не взнала, що це лежали її брати і сестри. Нічого не поробиш, деяким все століття судиться прожити наодинці. І неначебто від цього вони ні крапельки не страждають.

Вилупившись трохи раніше інших, змія виповзла з-під пня. Її кровні брати і сестри, про яких їй не дано взнати, залишилися лежати у вологому теплі. Може, і зустрінеться вона з ким-небудь з них, але все одно їм не судиться взнати один одного, не поговорять вони від душі ніколи і ніде. Кожному своє, і пам'ятай про смерть.

Сонце хилилося до вечора. Граючи з листям, дув легкий вітерець. Нічого особливого, все буденно. Але ... світло біле ... земля рідна ... Та ні, нічого цього змія не знала. Мабуть зрозумій, що значить для неї рідна земля, біле світло. Вперше побаченому сонцю вона теж не зраділа. І не здивувалася. Все як у людей. Але якимсь чуттям зрозуміла, що їй відтепер і назавжди судиться ховатися під кущами та під корінням дерев: не встигнувши виповзти з-під рідного пня, ковзнула під лежачу поряд купу вітролому.

За нашими мудрими поняттями, змія нічого не знала і не розуміла – вона була приречена. Але приречена на життя: ледве з'явившись на світ, вона не була безпорадним немовлям, а вилупилася з шкаралупи цілком самостійною і елегантною юною змією.

Хоча вона так і не навчилася ні думати, ні розуміти, і не знала, що все життя повзала не на плоскій, а круглій землі, все ж таки вмудрилася прожити на світі двадцять один рік. Поза сумнівом, вона народилася щасливою змією. Тільки сказати легко: двадцять один рік! Спробуй проживи стільки!

Ось ти, з своїм могутнім інтелектом, широкою начитаністю, спробуй влізти в її шкуру і живи, тягни лямку двадцять один рік, коли тебе у будь-який момент можуть з'їсти або прибити. Просто дивно, як їй везло!

Ледве вилупившись з яйця, уявите тільки, вона вже знала, як

жити. Саме тому поквапилася заховати коротке і тонке, для нас нікчемне – навіть огидне, але для неї найдорожче тіло під вітроломом.

Більшість з нас (чого гріха таїти) вважає змію тварюкою мерзенною. Але для матінки-природи вона була дуже навіть красива: голубувата, ще не зовсім просохла, ніжна шкірка; білий, місцями в чорну цятку живіт; шия з блідо-жовтими сережками. Взагалі-то, непривабливих дітей немає, навіть у змії. Вух у неї не було, а сережки були. Здається дивним, але, з другого боку, вуха дані не для того, щоб на них щось вішати. По молодості ока у змії були сині – як сапфір.

Ніхто не чекав її появи з кольорами. А мисливців, що стережуть здобич з голодним черевом, було досить. Все ж таки є на світі щастя, іноді воно дуже навіть виручає. Змію помітив чорний ворон, але новонароджена вже прошмигнула під хворост і була така. Ворону тільки і залишилося крякнути з досади, що вечерея вислизнула з-під дзьоба. Втім, каркання ворона нікого не стривожило. І на стару буває помилка, а приймати близько до серця неприємності кожного – ніяких нервів не вистачить. До того ж старий ворон-маразматик давно вже всім набрид. Йому, Бог коли вже на пом'ятає, ще перевалило за сотню років – стільки взагалі не живуть, і кому потрібне його старече каркання, коли довкруги щосили господарює таке коротке юне життя? Краще б народитися ворону деревом: стій, шуми собі на здоров'я ...

Змія не почула ворона. На білому світі всі змії такі, не дано їм чути. Так розпорядилася природа. І цього не взнала вона про себе, прожила довге зміїне століття, а не помітила, що глуха, що обділена долею. Таке життя: зайці від когось тікають, ноги їх рятують, а вовка ноги годують. А у змії і ніг-то не було, а прожила двадцять один рік.

Тс-сс – зашипіла змія. Прямо до її носа підповзла жирна гусениця. Змія не зрозуміла, що це саме «тс-сс» – і є перше і останнє її слово. Мізерна, дуже мізерна мова зовсім не заважала їй жити. Адже у нас теж не завжди питають, є що сказати чи ні, що у нас на душі – наперед думають за тебе, за тебе і вирішують. Ми раби обставин, а змія вільна у всьому, проте прийнято думати, що вільні ми, а змії заручники інстинктів. Що ж, зміїна мова за все життя не взнав іншого звуку, але те, що повзуча гусениця – штука їстівна, її язмок зміркував вмити. Знову ж таки, по правді

кажучи, природа задумала язык , щоб їсти. Не вірите – подивитеся, як наярює языком корова. А у нас частенько і того гірше: деколи языком людини живцем готові з'їсти і з'їдаємо, одержавши при цьому чимале естетико-кулінарне задоволення. Ми всі трошки канібали.

Жирна, смачна біла гусениця поспішала кудись по своїх суто гусеничних справах, у неї в думках не було статі найпершим блюдом в житті змії, але ... Самі розумієте, хоча і було змії всього декілька хвилин від народження, ніхто не чекав її з соскою. Тільки і залишалося, що з'їсти цю гусеницю. Так вона і зробила. Сподобалося. Тут дивуватися нічому.

Був би хто-небудь інший, примружився б, закрив би очі від задоволення. Змія не примружилася. Вона народилася з розплющеними очима, прожила так, і після смерті лежала під вічним небом з розплющеними очима. Двадцять один рік не закривала вона їх. Доля така у змії – не можуть закривати очі. На відміну від змії, більшість з нас здатна багато на що закрити очі, деякі навіть володіють свого роду талантом на це занадто «розумне» заняття.

2. Буття

Погрівшись якийсь час на сонечку, змія втратила спокій. Лежати на сонці не завжди добре. Починає сильно припікати. Або згориш, або, якщо сонце накриє хмара, замерзнеш до напівсмерті, або почнеш жити по сонцю. Сонце є сонце, воно живе своїм життям, не всім дано бути сонцем, але кожному дана голова.

Змія позбулася спокою. Як одного разу... Взимку. Тоді теж не хотілося ворухитися. Було холодно. Вони спали в одній норі утрюх. Прокинувшись, виповзли вгору і, самі не розуміючи, куди і навіщо повзуть, спрямувалися в одну сторону. На поляні змії зібралося видимо-невидимо. Вони звилися в багатоголовий зміїний вінець і лежали, зігріваючи одна одну. Потім розповзлися. Невимовно добре, коли, зібравшись разом, грієш один одного. Шкода, це буває рідкісне, і часто не залежить від нашої волі.

Вона ніде не могла знайти спокою. Ні сонячне світло, ні запах вогкості, що б'є з яру, ні аромат зеленіючого листя і трав, ні пахощі весняних кольорів не приносили заспокоєння. Їсти теж не хотілося. Щось нестримно гнало її вперед. Відчуття, що досі було

невідомим, примушувало звично ховатися і одночасно дряпати, чесати тіло в обіймах суччя і коріння. Вона заповзла під купу лубка, що громадиться на березі, і почала нестримно звиватися.

Лубок стиснув її, шкіра не витримала, лопнула біля рота. Змія щосили прагнула звільнитися від тісної шкірки, що стала, заповзла в густе коріння осоки. По всьому тілу пробіг холодок, показалося, що в шкіру встромилися тисячі жорстких, колючих травичок. Одночасно стало і добре, і погано. Нарешті, вона виповзла з своєї старої шкіри. Серед осоки залишився лежати акуратно знятий панchoхою зимовий одяг, бляклий від старості. Чи подумала змія, як людина, що приміряє обнову: «Хай сорочка зноситься, голова залишиться» – одному Богу відомо.

Всьому тілу стало легко-легко, тільки жорстка осока боляче колола ніжну нову шкіру. Змія, звиваючись, поспішила на вольне повітря. Жодна жива душа не хоче бути весь час в темноті, кожда, крім похмурих підземних жителів як черв'яки та кроти, всі прагнуть на сонячне світло. Ходиш ти або повзеш – це нічого не значить. Кріт теж не може жити без сонця, правда, він сам не здогадується про це, наївно вважає, що може. Якщо згасне сонце, прийде кінець всьому живому і неживому – сонце воно для всіх однакове, але не всі б'ються за місце під сонцем.

Зміїна сорочка сповзла як панchoха, ніде не тріснула, не порвалася. І чудово – значить, вона здорова, сильна, енергійна. Природа її любить. Приємно скинути стару шкіру і відчувти себе як би наново народженою. Це вже ні з якою лазнею не порівняти. Шкода, велика шкода, що сам вінець творіння не має в своєму розпорядженні подібного природного гардероба, одягалися б випадково – і відразу було б видно: цей закоханий, той пригнічений, а цей давно на стежці війни. Все відкрито, чесно, ніякої хитрості і ніякої підступності.

Нова шкіра трошки волога. Змія виповзла на пригрів. Сонце її зігріло, повернуло сили. Але ніжна шкіра незабаром стала нити від жару і спеки. Обережно звиваючись, змія поповзла в печену вітром прохолоду.

Трохи згодом, вона відчула, як сильно зголодніла. У старій шкірці їжа зовсім не йшла на розум. Вона згорнулася кільцем, підняла блискучу головку. Затрепетало, заграло жало. Змія зникла в осоці, яка росла в низині. Пуголовики в лісовому озері ще не з'явилися, назустріч угодовані жаби, які її попадаються,

вельми апетитні, але для неї занадто крупні. Мимоволі доведеться шукати комах. Кому як, а змії в буквальному розумінні, доводиться повзати на череві ради черева.

– Ех-х, – зітхнула б вона у разі невдачі на полюванні, – чому я не дерево? Стій собі на одному місці, смокчи земні соки, і не треба їжу шукати. Але змія безмовна, не уміє ні говорити, ні думати. Не одна змія така. Білий світ багатьох влаштував так, щоб жити просто і бездумно. У своє задоволення, і на радість іншим.

У тому лісі, де жила змія росли берези і ялинки. Красивий ліс. Але що для змії краса? Нею ситий не будеш. Змія – дитя природи, частина її краси. Краса – завжди гармонія, щось ціле, нерозривне. Тільки люди, коли починають дуже мудрувати (а без цього вони не можуть), розчленовують красу. На щастя змії, вона нічого не ділила, у неї не було, як у деяких, надлишку розуму. Скільки треба, щоб прожити, стільки і дано їй розуму. Вона жила для себе, і в той же час була частинкою природи. Правда, що мир, мабуть, тримається на дурнях.

У лісі росли красиві берези. Чудово, що змія не знала, як всі милуються ними. Якщо б знала, напевно, померла б від горя: неначебто всі рівно в підмісячному світі, а тут он яка несправедливість: одна – бридка, мерзенна, інша – красива. А здавалося б, у кожного повинен бути свій бог, або хоча б ангел-хранитель.

Одного разу вона напала на дуже смачний слід. Їй, звичайно, було невтямки, що це запах мишеняти, у якого очки-то тільки відкрилися. Смачна їстівна штука нестримно спричиняла за собою. Як поманиш шматком м'яса, і собака услід побіжить, що тут про змію говорити.

Місце знайоме, тисячі раз тут проповзала. Але вона відчула, що цього разу щось змінилося. Раніше тут не було запаху солодкуватої вогкості. Понюхала повітря, доторкнулося до землі язичком. Запах нічого, приємний, але не такий смачний, як мишачий слід.

Навколо занадто діловито метушилися мурашки. Не утримавшись, спробувала одного на смак. Горько-о! Додатково, інша мурашка вмудрилася укусити її біля рота. Дуже навіть несмачні мурашки – тьху! Не тільки змія, ніхто не любить гірке. Говорять, дятел їсть мурашок, на те він і дятел, був би розумний, хіба б носився по лісу, довбав дерева? Те, що птахи приймають

мурашині ванни, можна ще якось витерпіти, але коли лобом стукуються об дерево ...

Змія не здогадалася, звідки тече солодко-кислий нектар, що принадив мурашок, заквапилася, поплила по мишачому сліду. Підняла б голову – побачила б на стовбурі берези надріз, що кровоточить червоною піною, зроблений безжальною сокирою. А уміла б небагато міркувати, здивувалася б, що людина, що так вихваляє березу, бездушно губить свою красуню в лісі.

Але вона не підняла голову, не подивилася. Не побачила, як сочиться червоною піною рана берези. Нерідко трапляється, що ми теж не дивлячись проходимо мимо тих, кого любимо. Особливо якщо вони потребують нашої допомоги. Любов – лише одна із сторін егоїзму, та грань, яку прийнято вважати, в усякому разі, непоганою.

Через деякий час у змії життя пішло всім на заздрість. Озеро тепер аж кишіло пуголовками. Снують, упірнають всюди – нікого не бояться, нахабно наплювали на всіх і на все. Та і хто кого боїться, коли компанія велика? На перший погляд, розумніше за пуголовок звіра немає. Природа нагородила його такою могутньою головою, але забула помістити туди мізки. І до кращого: представити неможливо, як водоймища кишать гігантами думки, як з води на тебе з докором дивляться мільйони розумних очей, пропонуючи помінятися місцями, ролями, стихіями...

У дуже жаркі дні змія навіть не вилазила з води. У воді прохолодно, добре і затишно. Де вода – там і вузькі, без вологи немає їм життя. Так і проходять дні без календаря, летить час без годинника ...

Вона помітно виросла, встигла дещо побачити. Одного разу повзла по відкритому місцю, як раптом її зверху накрила тінь, ударила повітряна хвиля. Добре ще, вона встигла вчасно почути небезпеку, вмить бризнула смердючою рідиною з черева. Кігті вже схопили було її. Але чи то шуліка була не дуже голодна, чи то хижому птаху не сподобався різкий запах – вона прибрала кігті і, кинувши змію, відлетіла. Це і є щастя. Якого б кольору і запаху воно не було, іноді воно дуже навіть виручає нас.

Іншим разом її нагнав якийсь пихкаючий звір (хоч змія і не чує, але всім тілом відчула, що звір пихкає). Вона відразу зрозуміла: це – ворог, в лісі звірі ганяються один за одним не для

того, щоб освідчитися в коханні. У змії немов вирости крила, вона щосили спрямувалася до води. Колючий ворог теж кинувся за нею. Повезло, що берег крутий: вона зісковзнула, скотилася як на санчатах, і упірнула у воду. Їжак стрімголов скотився за нею, поплив услід. Змія пішла під воду і довго плавала там. Потім підпливла до берега і заповзла під якусь колоду. У житті навіть прогнила колода може стати в нагоді. Змія не знала, що неудачливий їжак давно відправився шукати нову їжу. Від сильного ворога можна врятуватися хитрістю. Але якщо сказати змії: «Ну, і хитра ж ти», більше за всіх здивувалася б сама змія. Для нас – хитрість, для неї – життя. Так чи узгоджуються між собою хитрість і життя, чи ні?

3. Убування

Змія зашипіла, підняла скільки можна високо голову, приготувалася до битви. Гадюка теж з свистом підняла огрядний тулуб, її тіло плавно-непомітно перейшло в атаку. Отруйна трикутна голова гадюки готова в будь-яку мить нанести смертельний укус.

Змія давно вже не та нетяма, що ледве вилупилася з яйця. Позаду, за хвостом, два десятки років життя. Тіло її стало майже в саженів завдовжки.

Гадюка заповзла на її мисливську територію. Зрозуміло, навіть їжаку: вже не потерпить таке нахабство. Не тільки змії, все живе воює за теплі і рясні їжею місця. Треба визнати, змії розраховують виключно на свої сили, не хапають, як деякі, палиці більше за самих себе. Гадюка, витікаюча злістю, менше вужа, але товще. Шиплячи і згинаючись, вона готова швидко завдати удару головою, щоб встромити два гострі отруйні зуби в тіло вужа. Змія зігнулася блискавкою, обвила, немов в танці, гадюку, притиснула нижньою щелепою її голову. Гадюці потрібна була лише мить, щоб звільнити голову, вивернутися і встромитися у вужа смертоносними зубами. Всього одна мить, але гадюка цю мить упустила. Сильне тіло змії встигло обвити гадюку, вона притиснула непрохану сусідку до землі, стала душити. Найстрашніша зброя гадюки – отруйні ікла – виявилися даремним. Змія легко виграла бій: гадюка швидко поповзла геть. Подібна зустріч у змії не перша. Вона жодного разу не програвала битву гадюкам, навіть коли ті виявлялися набагато крупніше.

Гадюка дуже неповоротка, важка, в її тілі мало сил. Вона більше розраховує на смертоносні зуби.

Життя є життя. Наскільки краще озброєний ворог, настільки швидше треба бути іншому. Хоча і страшна отрута, вона стає зброєю тільки тоді, коли її застосовують.

Схоплюватися з гадюками доводиться рідко. Сварки спалахують тільки зрідка, через мисливські володіння. А взимку вони іноді навіть сплять разом в одному підземеллі. Гадюка – слабка змія. Її можна здолати. До того ж вона полює вночі. Найстрашніша змія – медянка. Мабуть, її створили навмисне для того, щоб битися з іншими зміями. У неї немає отрути, але зуби міцні, могутні м'язи допомагають їм кусати, рвати. Змії одного разу довелося зустрітися з медянкою, ледве врятувалася тоді. Яка б ні була вона спритна, все ж таки на стороні медянки сила. Втім, тепер їй ніяка медянка не страшна. Вона майже удвічі довша найкрупнішою з них. І все одно добре, що медянка живе тільки там, де сухо, не любить вогкості. Природа мудра, всім вказала своє місце. А якщо б все, як люди, нічим не гидували? Життя давно б кінчилося.

Як вже обійти цю людину? Хвора страшна істота. Ніякому закону не підкоряється. Голодна вона або сита, бажаєш ти зла чи ні – вона не подивиться, поступить по-своєму, зробить свою справу. А справа її – простіше не буває: бере лозину, палицю і як змахне єю разок, і немає змії.

Їй якось одного разу довелося потрапити на очі людині. Вона виплюнула жабу, яку тільки що проковтнула, і людина гидливо відійшла. Добре не лиходій попався, не став бити палицею. Або допомогло те, що, звільнившись від жаби, відразу прикинулася мертвою, навіть паща роззявила – більш мертвими не бувають. Коли хочеш жити – не те що мертвою прикинешся, а дійсно помреш. А жаба, яку змія відригнула, як ні в чому не бувало, пострибала далі. Сказати, що жаба проявила дивовижну холонокровність – язик не повертається, вона мільйони років як холонокровна. Є такі і серед людей. Врятувалася тоді змія, уникнула погибелі.

Вона була змією, вже навченою життям, змією, що багато побачила, багато пережила. Жовті плями на шії перетворилися на царську корону. Коли королева-змія була розсердженою і шипіла, шия помітно роздувалася. Здалеку могло показатися, що

це зовсім не вуж, а якась жахлива отруйна змія, мало не кобра. Дрібні звіри поспішали обійти її стороною, напевно, вважали, що вона – дракон з лісового озера.

Не треба сміятися над дрібними звірами: страшний вигляд може налякати кого завгодно. Іноді навіть крупний сильний звір боїться малого і слабкого. Миша і та врятувала лева – цю притчу знають всі. Про вужа не можна сказати, що у нього зовсім немає отрути: отрута у нього в слині, але дуже слабка, небезпечна тільки для найменших істот. А була б справжня отрута, міцна та сильна – яка легке було б життя! Але така вже ця штука – успіх, не всі виявляються удома, коли бог роздає успіх. Втім, раз ми живемо, значить, ми виявилися в потрібному місці в потрібний час, а везення – це всього лише лотерея.

Що стосується отрути, змія одного разу сама трохи не подихнула через отруту. Вона була тоді зовсім молода, струнка-тонка, як стріла. З великою працею проковтнула велику земляну жабу. Не знала, що шкіра у жаб отруйна. А жаба та була величезна для неї. Змія довго тоді пролежала не ворухившись, ніби паралізована, ледве не померла. З тих пір змія добре запам'ятала, якою повинна бути мисливська здобич. Тільки ставши зовсім дорослою, ловила без розбору будь-яких жаб. Закон полювання єдиний для всіх звірів: коли сам трохи менше – нападаєш на маленьких, виростеш, стаєш сильніше – полюєш на крупних.

Більше двадцяти років прожила змія біля лісового озера. Вона ставала все крупніше, а озеро все менше – замулювалося. Скільки сотень яєць знесла змія – сама не знала. Змії не уміють рахувати – і добре їм. У них немає звички хвалитися, як у деяких курей: «мол, я стільки-то стільки яєць знесла».

Змія не пам'ятала, як вперше відклала яйця. Але чудово знала, як це трапилося. Літо хилилося до осені, або, як сказала б людина, стояв липень місяць. На поляні, на купі гнилизни, лежали двері – ніхто не знав звідки вони у лісі узялися і з'явилися. Владний позив загнав змію під них. Вона виявилася не перша – в теплі вже лежала безліч яєць. Поряд з ними і відклала вона свої яйця. Через п'ять-вісім тижнів, залежно від погоди, вилупляться молоді змії і покинуть місце появи на світло назавжди. Їм ніколи не судиться взнати, що колись лежали разом горою зміїних яєць, притиснувшись один до одного, як

найсправжнісінькі рідні. Тільки на початку шляху більшість живих істот разом і поряд, життя потім розлучає і міняє їх, і тоді найближчі родичі стають чужими.

Під могутнім тілом змії хруснула суха гілочка ліщини. Не розпустилася нині весною ліщина на березі – замерзла взимку. Але нічого, коріння ціле, дружно лізе між загиблих стовбурів нестримна молода поросль. Холодна видалася нині зима. Вони, десятка два вужів і десятків гадюк, перезимували разом в одному підземному притулку. Через холод змії залякнули, заснули міцно. І якісь непридатні миші знайшли дорогу в їхню нору, добре ще не на початку зими, а лише ближче до весни. Скільки було мишей всього – неясно, деякі, вибравшись вгору стали здобиччю лисиці. Весною, коли потепліло і змії заворушилися, почали оживати від летаргії, в їхньому притулку залишалися дві миші. Ці негідниці за зиму згризли декілька змій. Одна гадюка тут же укусила вкінець знахабнілу мишу, якої захотілося живих консервів і вона вчепилася було зубами в хвіст гадюки. Забулася зовсім, нахаба: жива змія – це жива змія, а не та, що в сплячці. Весна розставляє все по своїх звичних місцях: змії стають хижаками, а миші – здобиччю.

У гадюк, що перезимували, отрута слабка, але на мишу досить. Далеко не втече, знайде її після мисливець і з'їсть. Інша миша, відчувши небезпеку, з писком підбігла до найкрупнішої змії, вужа, напевно, із страху переплутала її з корінням. Вона хотіла було кинутися на неї і душити, але її випередила зимуюча поряд гадюка. Вона ожила раніше, встигла небагато розігріти кров. Приречена миша прошмигнула вгору, недовго їй, бідоласі, залишилося, некваплива гадюка знайде вже її труп.

Декілька змій піднялися вгору. Змія-королева теж виповзла з ними. Сніг ще повністю не розтанув. Сонечко щосили віддає цілющим теплом. Вони заповзли на сухий пень, що встиг очиститися від снігу, і стали грітися на сонечку, щоб тепло розігнало холодну кров.

Увечері вони знов повернулися в свій підземний притулок, де нерухомо лежали обгризені мишами змії. Миші виявилися взимку серед своїх сплячих ворогів і зовсім розперезалися, забули про небезпеку. Втрата обережності обернулася втратою життя. Не гризи змії хвіст, краще гризи свій, якщо він є: краще короткий хвіст, ніж коротке життя. Те, що набита порохом комора не

вибухнула від іскорки, зовсім не значить, що там можна розпалити багаття.

... Змія пробралася крізь ліщину, що засохнула, і спустилася до води. Особливо жаркий день видався. Змія заплила на мілководді і уляглася на дні. Тут свіжо, затишно. Довго блаженствувала вона у воді. Якщо потрібно, змія може пробути під водою півтори години. Відчувши, що зголодніла, вона вибралася на берег, де звичайно насолоджувалися сонцем жаби. Змія могла б спокійно обійтися без їжі більше трьохсот днів, але навіть жити упроголодь, коли є можливість перекусити?

На березі змія помітила жабу, та підстрибнула кілька разів вгору і замекала, немов вівця. Забула із страху своє рідне «ква-ква», але це чисто жаб'яча звичка: зустрівши змію, вони плачуть, як овечки. Жаба як заворожена втупилася в зміїні очі, піднялася на чотири лапи і, судорожно ковтаючи повітря, стала збільшуватися в розмірах – надулася. «Хай вирішить, що я крупна, отруті багато на шкірі, може, і не з'їсть», – міркує вона, мабуть, своїм жаб'ячим розумом.

Буває іноді, що слабкий будує з себе сильного і, трапляється, перемагає. Але для змії, що пережила два десятки зим, такого роду фокуси не більше ніж дитяча забава. Вона схопила жабу, що непомірно роздулася, за голову і стала ковтати ...

У лісі почало темніти. Дні два-три стояла небачена в таку пору року жара, але минулі дощі нагадали, що все ж таки наступила осінь. Вода в озері очищається від літньої зелені, день від дня стає темно-прозорою. Хоча і тепло, змії не хочеться залізати у воду. У ліс прийшов новий господар – вересень.

Змія лежала на своєму улюбленому місці: на маленькому островці з суччя і трав, що пристали до стовбура дерева, що впав. Раптом вона відчула, що стовбур дерева дрібно-дрібно затремтів. Всі змії відчують, коли під крупним звіром тремтить земля. Вона підняла голову.

На березі стоїть дивовижний звір, поширюючи навколо жахливий сморід. Його чад заглушає всі запахи. З величезного звіра зістрибнули люди. Вони – страшніше за будь-яких чудовисьок!

Змія поволі сповзла у воду. Її красиве, лите тіло довжиною в сажень, неквапливо звиваючись, безшумно поплило серед ряски. Хіба що ненароком, по підведеній голові, можна було помітити її.

Вона не знала, що на березі зупинився трактор, не знала, що дерева навколо озера вирости, і люди, які тільки цього і чекали, приїхали рубати ліс. Ні про що подібне не здогадуючись, змія чудово знала інше: де людина – там небезпека. Вона поволі вибралася на протилежний берег, нерухомо залягла під впалим стовбуром.

У озеро з шумом, стрясаючи воду і землю, впала підрубана береза. Перелякана змія поповзла по бережку маленької річки, витікаючої з озера. Незабаром він вивів її на берег іншої річки, більше. Вона проповзла мимо пня, в якому народилася. Від пня залишився тільки слід, він майже змішався із землею. Змія не знала, що проповзла мимо рідного свого дому, свого першого притулку. Вона ковзнула у воду.

Змія вибралася на пливучу посередині води дошку і підняла голову, щоб озирнутися. У цей момент щось дуже боляче вшкварило її. Від різкого удару вона перекинулася, знепритомніла. Тільки світлий живіт білів на дошці.

– Убили! Убили! Ура! – змія від природи не могла почути і не почула щасливих криків дітей, не побачила і сяючих облич: лежала без свідомості, а дошку відносило неквапливою водою. Хлоп'ята приходили за грибами і попутно, як би мимохідь, прибили змію – справа звична, всі так поступають.

Через декілька годин вона опам'яталася. Обережно перекинулася на живіт. Все тіло хворіло, немов кісточки цілої не залишилося...

Довго пливла вона. Всю ніч. У очі, що ніколи не закриваються, дивилися зірки. На зіницях грало місячне світло. По темній воді на вимоклій і потемніла дошці пливла самотня темна змія. У її очах не було ні радості, ні печалі. Але в них було життя – це були очі живої – вижила змія.

Ніч така місячна... Від води віє холодом. Тихо. Навколо ні душі. Змія одна. Як і все життя. Вранці вона вибралася на берег і заповзла у вербові чагарники. Відлежалася там якийсь час, потім

рушила вперед. За чагарниками починалися незвичні місця, росли небачені досі кущики, що вже майже засохнули. Звичайно, вона не знала, що опинилася на городі, засадженому картоплею, яку недбайливі господарі не встигли прибрати. Змія все повзла вперед. Повітря повне незнайомих запахів. Важко дихати. Вона виповзла на відкрите місце...

– Змія! – закричали усюдисущі діти. З нагоди неділі вони не пішли в школу, а грали на вулиці. Побачивши, як на дорогу виповзла величезна змія, один з хлоп'ят стрімголов кинувся додому звати старшого брата, інші з палицями оточили неждану гостю. Змія завмерла.

В цей час з провулка показалися дві дівчата. Такі красиві, що просте чудо.

– Змію знайшли! Змію! Дивіться, яка величезна! – закричали діти, помітивши дівчат.

– Буває ж таке. Сьогодні у мене день народження, двадцять один виконується, і якраз цього дня посередині вулиці бачу змію, та ще здоровенну. Явно не до добра. Треба її убити, – сказала одна красуня іншої.

– Так... Справді, якось недобре, що змію зустріли ...

Вони узяли в руки палиці...

Через мить компанія хлоп'ят, підвісивши на палицю змію, бігла по вулиці і вищала: «Дивіться, яка велика! Бачили таку?» У змії, що звислася з палиці, паща розкрилася, тіло безвольно гоїдалося, раз у раз падало на землю. Хлоп'ята знову чіпляли змію на палицю і мчали вперед – ось і знайшлася нова забава. У змії ока, що бовтається на палиці, хоча і були відкриті, але в них більше не було життя.

Красиві дівчата пішли далі. Безтурботна усмішка більше не сяяла на хороших личках. Її стерла змія.

Чи знала змія, що вона теж народилася двадцять один рік тому? Чи знала, що побачила світло в такий же погожий вересневий день, точнісінько в одну хвилину з дівчиною, яка убила її?

Нічого вже поробиш, одній був уготовані оберемки квітів, а іншій – трухлявий пенъ, смертоносна палиця.

Немов навмисне, щоб натерпітися всіх земних мук і бід, немов на біду народилася вона на світ змією. І хоча на кожному кроці чекала не небезпека, а сама смерть, зуміла прожити

двадцять один рік. Вона була щасливою змією. Для свого племені вона була прямо-таки видатною змією.

Померла, але не взнала ні того, що жила на білому світі, ні того, що була змією...

4. Небуття

І лежало тіло змії, що проповзла всі радощі і жалі, всі етапи життя... І валялося тіло змії поряд з хатою, чії вікна виблискували, немов в них запалився небесний вогонь. І мчала на всю округу весела музика з розкритих навстіж вікон. І зібралось в будинку тому багато людей, і обмивали вони новонародженого.

А чом би і не радіти? Чом би не випити чарку-другу з поважаними людьми? Мотив-то який, мотив!.. Залишається тільки сподіватися, що, не дивлячись на правильне виховання, малюк вбиратиме по натхненню тільки те, що потрібно йому, щоб прожити життя ні поганою, ні доброю, а нормальною людиною.

А про змію всі давно забули. І лежала вона в осінній кропиві – обгризеної гусеницями і обплутаною чорною ниткою павутини. І не було в її тілі ні гнучкості, ні краси, і більше нікому не вселяла змія страху. І занурювалася вона в небуття товстим, потемним дротом...

А в переповненій радістю і світлом хаті ніхто не думав, що почався черговий виток життя, що народився ще один маленький чоловічок ... І немов навмисне, немов на біду – народився він чувашем ...

1986 р., Шупашкар

VI

СОВРЕМЕННАЯ ТЮРКСКАЯ ПУБЛИЦИ- СТИКА

СОВРЕМЕННАЯ ТЮРКСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Во втором выпуске «Воронежского тюркологического сборника» мы открываем новый раздел – «Современная тюркская публицистика». Не все интересные материалы вписываются в рамки других разделов, но они так же заслуживают внимания. С другой стороны, публицистика является ценным источником по современной интеллектуальной и политической истории тюркских народов. Кроме этого без нее, без постоянных идейных исканий и дискуссий достаточно сложно представить жизнь современных тюркских интеллектуалов. Поэтому, начиная со второго выпуска «Воронежского тюркологического сборника» мы будем публиковать некоторые публицистические произведения авторов из тюркских республик и автономий РФ, а так же и из зарубежных тюркских государств в надежде, что со временем и интеллектуальные искания тюркских интеллектуалов современности найдут своего исследователя.

Агдас БУРГАНОВ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ ТАТАР В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Обратимся к демократической истории России, в которой, не смотря на ее мизерную краткость, татарами была предпринята, я бы сказал, сверхуспешная попытка решения своего национального вопроса, которая, при достаточной последовательности, могла вообще снять с повестки дня российского государственного бытия проблему межнациональных отношений в конфликтном ракурсе. Ее смысл - в стремлении преобразовать Российское унитарное государство в государство союза наций, независимых в обустройстве своей национальной жизни, являющихся полноправными субъектами Федерации. Но отвергнутая большевиками.

22 июля 1917 года в Казани общее собрание трех Всероссийских мусульманских съездов (духовного, военного и всеобщего) провозгласило культурно-национальную автономию мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири. Работавший с 20 ноября 1917 по 1 января 1918 года Миллят Меджлиси (Национальный парламент) утвердил Конституцию автономии и избрал исполнительные органы власти. Однако созданное им Национальное управление в Уфе большевиками было упразднено в апреле 1918 года. В сентябре 1918 года Самарский комитет членов Учредительного собрания (также разогнанного большевиками) признал

права татар на культурную автономию. Установивший военную диктатуру адмирал Колчак категорически отверг право народов на автономию; тем не менее в его бытность верховным правителем в Западной Сибири действовал «Малый меджлис», состоявший из уцелевших депутатов упраздненного большевиками Национального собрания. Он направил делегацию на Мирную конференцию держав-победителей в Париже. В апреле 1920 года на переговорах с этой делегацией Премьер-министр Франции А. Мильеран (в качестве одного из лидеров Антанты) обещал включить Конституцию татарского народа как одно из условий признания Российского правительства после свержения Советской власти.

Суть первой татарской Конституции сводится к признанию за национальными меньшинствами права на автономию в сфере культуры; высшим органом самоуправления национальной общины являются избираемые на всех уровнях национальные собрания с правом на соответствующее законодательство, включая обложение своих граждан специальным налогом; из государственного и местных бюджетных средств на культурные нужды национальных меньшинств, пропорционально их численности, отчисляются денежные средства, расходуемые по усмотрению органов национального самоуправления; национальные меньшинства участвуют в работе органов государственной и местной власти всех уровней через посредство своих национальных органов, делегирующих в соответствующие институты власти своих представителей; национальные собрания (федеральное, региональные, местные) избирают национальные управления соответствующих уровней. Членство в автономии - физическое, всех буквально граждан данной национальности (а не одних лишь только общественных организаций, объединяющих несколько десятков или сотню-другую наиболее активных, нередко склонных к карьеризму политиков, как это наблюдается сейчас, и посему нынешние автономии на деле не являются таковыми ни в национальном, ни в региональном или местном масштабах, они всего-навсего - объединения актива национальных меньшинств, никого кроме себя не представляющих, практически не имеющих никакой связи с массами).

К идее национально-культурной автономии вынуждены были вернуться власть предержащие в связи с вступлением России в

Совет Европы, членство в котором обязывает иметь законы и учреждения, защищающие национальные меньшинства. Но принятый в 1997 году закон о национально-культурной автономии не соответствует требованиям самоуправления национальных меньшинств, поскольку автономиям придан статус общественной организации со всеми вытекающими отсюда последствиями материальной и правовой недееспособности, к тому же при полном отсутствии механизма реализации даже этого закона. Жизнь же требует государственно-общественного статуса. Хотя бы потому, что национальные проблемы самого великорусского народа решаются самим государством и за счет общегосударственного бюджета, формируемого усилиями всех наций, а не одних лишь русских. Налицо очевидная дискриминация национальных меньшинств как следствие проводимой правящими кругами государственной политики, которую можно квалифицировать как шовинистическую.

Прцветание как самого государства, так и каждой нации в многонациональной России возможно лишь при условии свободного и самостоятельного решения национально-территориальными и экстерриториально-национальными общинами своих социально-экономических, культурных и экологических проблем на базе развития муниципальных хозяйств, самостоятельного местного бюджета, формируемого за счет обязательных поступлений из федерального и местных бюджетов, а также иных источников. Почему многомиллионная татарская диаспора должна оплачивать развитие только русской культуры, ни копейки не получая на, хотя бы, поддержание собственной культуры?

Предлагаемый вариант сочетания территориально-организованной национальной государственности с экстерриториальной автономией имеет три очень важных преимущества.

Первое. Ныне национальные меньшинства - головная боль местных администраций, потому что многие проблемы нерусских общин на их уровне трудно разрешимы (если не сказать - неразрешимы!). При передаче же их забот в их собственные руки ситуация изменится в корне. Демократия и рыночные отношения императивно требуют отказа от принципа государственной опеки в пользу принципа самодостаточности, самостоятельности как каждой дееспособной личности, так и социальных групп, национальных общин.

Второе. Принцип территориальной целостности государств, препятствующий нормальным взаимоотношениям между различными частями разделенных народов, сойдет с политической арены без перекройки границ, в которой просто не будет нужды. Возьмем Татарстан с Башкортостаном. В последнем проживает (причем вдоль границы с Татарстаном) татар почти столько же, сколько в самом Татарстане. Курс башкирских националистов на башкиризацию татар создал трения между этими двумя дружественными народами, родственными по языку, культуре, религии. Сохранение нынешнего государственного устройства помянутые трения делает вечными. Для культуры, известно, границ нет. Последовательная реализация идеи национально-культурной автономии снимет созданные искусственно противоречия между нашими народами.

Третье. Имеющие сегодня свои территориальные государственные образования нации, значительная часть которых находится за пределами исторической родины, в качестве их официальных культурных центров получают возможность соединиться в культурном отношении и проявлять заботу обо всех своих соотечественниках. Национальное собрание Федеральной автономии и законодательное собрание Республики Татарстан на совместных заседаниях принимают законы (постановления) по вопросам культуры и языка. (В порядке справки: в парламенте Китая есть депутаты от Хуа Цяо и т.д.). Взаимодействие диаспор с родственными республиками оживит и рыночные отношения. Без возрождения всеобщей взаимосвязи всех частей нации она не сможет самореализоваться, самостоять; она - объект денационализации, ее будущее - исчезновение с этнической карты мира.

Следовало бы иметь в виду еще одно следствие распада СССР. Националистические правящие круги ряда государств СНГ превратили оставшихся в них русских и так называемых «русскоязычных» (25-30 миллионов) во второсортных граждан, мстя им за имперские преступления царской монархии и большевистской диктатуры. Если бы Россия сумела построить свою федерацию как союз наций, она показала бы и другим многонациональным государствам, как можно решать задачи защиты инонациональных меньшинств, согласуя принцип права наций на самоопределение с принципом целостности государства, ныне спровоцировавшем немало кровоточающих очагов по всему миру. Тем более в

этом есть нужда, что такого рода пример уже дан малюсеньким государством небольшой нации. Закон о национальных меньшинствах Республики Словения, в отличие от всех других государств, обязывает государственную власть эффективно заботиться не только о национальных меньшинствах (итальянском и венгерском) внутри страны, но и всемерно помогать и поддерживать этнических словенов за рубежом, опираясь на правовые договоренности с теми государствами, гражданство которых они имеют. (Надо думать, сейчас не случайно руководство России занялось освоением зарубежного «русского мира»: президент издал специальный Указ, которым эту работу возложил на МИД). Вариант национально-культурной автономии, предлагаемый в докладе, явился бы серьезнейшим подспорьем в решении задачи единения нации. Но проблема в том, что для создания ее в данной ипостаси требуется единство нации, чтобы она действовала не «растопыренными» пальцами, а собранными в кулак.

А это для нас пока - предел мечтаний. Согласимся с тем, что говорят все мыслящие татары, что стало ходячим самобичеванием: в национальной психологии татар нет чувства единения. В итоге имеем то, что имеем - раскол: социальный, территориальный и конфессиональный. В этом - главная причина всех поражений нации в ее истории. Раскол, прижившийся и в быту.

Наше «единство» сродни «единству» славянских народов, мало когда бывших едиными. Русские безоговорочно становятся едиными под влиянием внешней (реальной или мнимой - без разницы) опасности. Не будь Золотой Орды, они, наверное, сегодня имели бы не менее десятка своих (русских) и столько же рядом с собой других (нерусских) государств. Судя по всему, такая перспектива может им еще «улыбнуться» в ближайшем будущем. Бюрократизм, доводимый до совершенства (в смысле «абсурда» - этим как раз и занят Президент В. Путин), в конечном счете, иного исхода не имеет. Так было уже дважды. А Бог любит троицу!.. Помянутая государственная болезнь неизлечима. Ее можно лишь низвести до степени, не грозящей государству гибелью, в гражданском обществе, в котором чиновничество перестает быть господствующим классом. Оно, однако, нам пока не «светит» - государство продолжает оставаться бюрократическим (иным оно в России и быть не может до тех пор, пока сама же бюрократия не «родит» деятеля, способного ее «согнуть в бараний рог»). Именно

поэтому его правящая верхушка, в соответствии с закономерностью своего бытия, цепляясь за власть, не брезгуя ничем, так сказать: «после нее хоть потоп», денно и ночью ищет врага Отечества и находит его, если не внешнего, то сходит и внутренний (будь то в национальном, классовом или даже в лично-индивидуальном («враг народа») масштабах), одновременно прикармливая организованные группы расистствующих подонков. Разъединительное свойство своей психологии русские преодолевают жесткой централизацией власти, диктатурой. У татар не было и нет такой возможности. Во всяком случае - после падения Золотой Орды. Так, может быть, осознав, поняв самих себя, познав свою слабость, отрешимся от этого пагубного свойства своей натуры хотя бы перед чертой, за которой уход в национальное небытие?!

Нет выше ценности, чем свобода народа; она может быть ограничена в чем-то только по воле самого народа и лишь во имя той же свободы. Поэтому-то закономерностью национально-освободительного движения, значит, и условием его победы, у всех без исключения народов (примерам «несть» числа - самые близкие нам: финны, поляки, латыши, литовцы, эстонцы) и во все времена было, есть и будет единение всех социальных, территориальных и конфессиональных групп народа. Другого просто не дано. Несоблюдение требований этого закона вело, ведет и будет вести к поражению национального движения, к несвободе. Нынешнее наше поражение - следствие такого подхода к будущему нашей нации. Если хотим выжить как нация, то неизбежен путь собирания воедино остатков нации, что посильно не нынешним, а только дееспособным национально-культурным автономиям, действующим в содружестве с Республикой Татарстан в борьбе за: 1) превращение всех татар в собственников - субъектов рынка, 2) формирование национального капитала, 3) сохранение и развитие языка. Решение поименованных задач -непременное условие, обеспечивающее единение нации.

Трудно рассчитывать на создание единого национального блока демократии с олигархическим капиталом, к тому же - первого поколения, созданным в основном криминальным путем. Но и среди его хозяев есть люди, понимающие национальные нужды, связывающие свою судьбу со своей нацией. Они есть и в политической элите (к таковым я отношу М. Шаймиева, Ф. Мухаметши-

на), а также - в ряду крупных хозяйственников. Народ не верит власти. И поделом. Это - канун краха любого режима. Значит, власти надо подумать о том, как заработать (не завоевывать страхом и гнетом!) доверие народа. Разумеется, не укреплением олигархов. А содействием созданию национального капитала, составленного в значительной части из капиталов мелкого и среднего бизнеса, а также средств наемных работников, которые, получая достойную человека труда заработную плату, могли бы непрерывно пополнять собой ряды среднего класса собственников.

Национально-демократическим организациям, видимо, не мешало бы ввести в практику избирательных кампаний заключение договоров со своими кандидатами в те или иные органы власти. Несоблюдение ими своих обязательств влекло бы безусловный их отзыв из соответствующих органов.

Должен сказать и то, что время, весьма благоприятное, отпущенное нам сложившимися историческими обстоятельствами, нами безбожно промотано. Демократами и власть имущими. В равной мере. Обиднее всего то, что не смогли (не захотели!) восстановить в полной мере придушенный Советами природный дар, талант, органично присущий нам, татарам, талант собственника, хозяйствующего субъекта, с тем расчетом, чтобы миллионы наших людей преобразовались из наемных рабов в средний класс собственников - ядро гражданского общества. Объективным результатом этого стало бы формирование татарского национального капитала - фундамента фактической независимости, самостоятельности в проведении своей национальной политики.

В связи с мыслью, сформулированной выше, хочу ее подкрепить нижеследующим. В русской литературе есть мнение, отстаиваемое некоторыми достойными, крупными учеными, о том, что Россия - не Запад и не Восток, она не лучше и не хуже их, она - другая. Поэтому «двигаться по пути «благополучных» стран Запада... это иллюзорный, бесперспективный проект...», чтобы пойти по нему, нужно «кардинально изменить самих людей, населяющих страну, сам народ» (Вадим Кожин. Победы и беды России. М: Эсмо-Пресс, 2002. С. 50). Да, идти по западному пути - бесперспективно: его «поезд» давно ушел, для его возврата требуется много времени, которого у нас нет. А вот к итогам его развития, к благополучию двигаться абсолютно неизбежно, поскольку

иначе - прозябание в нужде и нищете. Нет уж, увольте, господа! Нас такая перспектива не устраивает. Это, во-первых. Во-вторых же, путь к благополучию у нас возможен свой, соответствующий нашей ментальности: не через развитие индивидуальной частной собственности в продолжение ряда веков, как это случилось на Западе, а преобразовав национальное богатство в действительное богатство нации, каждого ее члена на частнособственнических началах (не коммунистических!).

В-третьих, применительно к русским, быть может, автор и прав: надо изменить их, например, вытравить у них антисобственническую психологию. Ибо при ней никакая рыночная реформа невозможна. Но я не могу согласиться с автором в том, что невозможно изменить людей. Даже Советы чуть было не успели создать нового, «советского» человека, правда, их задача облегчалась, по присловью «ломать - не строить», тем, что они портили, разрушали, снижали нравственный уровень, отрицая многие, наработанные веками потом и кровью, общечеловеческие ценности. Не требуется больших трудов, чтобы оскотинить человека, очеловечивать же его приходится всю жизнь. И без гарантии успеха. Наша задача трудна, но она решается, хотя бы потому, что речь идет о возврате наших людей к своему естеству, повторюсь: к веками наработанному предками, о восстановлении искусственно прерванной коммунистами связи времен по отношению к фундаментальному в бытии человека - частной собственности. И метод возврата у нас есть свой - народный: «клин вышибается клином», хайковским «рассредоточением собственности» в народе, дав каждому его долю в национальном богатстве при соответствующем механизме, не допускающем окаянного круговорота - обогащения меньшинства разорением большинства. Уверен: антисобственническую психологию как ветром сдует. К тому же, в четвертых, я веду речь о татарах. Мои наблюдения говорят о том, что мы не страдаем болезнью антисобственнической психологии. Мы - природные рыночники и собственники.

Отсюда проистекает неотложная задача: всячески, используя механизм рыночных отношений, содействовать обогащению наших людей. В независимости от места их жительства. И в этой же связи проблема единения нашей нации непосредственно упирается в проблему гражданства. Все татары должны иметь право на двойное гражданство, одно из которых - татарстанское.

Особая забота должна быть проявлена о нашем, отцовском и материнском, красивом, как характеризовал его незабвенный Тукай, языке. Наш с покойным народным писателем Амирханом Еники друг, писатель Миргазиян Юные, с одобрения нас, обоих, просил меня на 2-м Всемирном конгрессе татар внести предложение об установлении ежегодного праздника родного языка. Но мне не было дано слова (несмотря на требование московской делегации!). Я просил бы сегодняшнюю конференцию поддержать эту идею. Для обсуждаемой проблемы единения татар она более чем уместна.

По моему глубокому убеждению, источником многих неурядиц во взаимоотношениях татар и русских является легитимная незавершенность определения статуса татарской нации в системе Российского государства. (Что, пожалуй, относится ко всем ино-родцам, как следствие ублюдочно-«федеративного» устройства государства). Но я выделяю татар. Не столько потому, что их проблемы - предмет моего исследования, сколько потому, что значимость взаимоотношений этих двух народов Историей определена в несколько гипертрофированном виде. Названную легитимизацию, на мой взгляд, следовало бы начать обоим народам с постановки задачи и продумывания механизма исторического примирения (идея Н.М. Мириханова), о котором говорилось в мартовском (текущего года) Обращении группы московских татар к Президенту РТ М. Шаймиеву, а затем в моей статье «Татарин! Знай правду» («Звезда Поволжья», 21-27 марта 2002 г., 18-24 апреля 2002 г., 16 мая 2002 г.).

Вот уже почти век Россия тщится обрести облик федеративного государства. Но таковой она на деле пыталась стать лишь в последние 10 лет. И в этом процессе мы, татары играем ведущую роль, навязав Москве известный договор от 1994 года, приняв ранее других, включая и саму Россию, новую Конституцию, с явно намеченной в ней тенденцией к реальной суверенизации республики в подлинно федеративной стране. Да и бывшее писано не одними черными красками. Сошлюсь на слова выдающегося философа о роли наших предков в становлении русской цивилизации, как плода «слияния «стихий азиатской и европейской», а монгольское нашествие «как оно ни было ужасно, принесло нам больше пользы, чем вреда. Вместо того чтобы разрушить народность, оно только помогало ей развиваться и созреть» (Чаадаев П.Я.

Поли. собр. соч. и писем. М., 1991 Т. 2. С. 161, 541). У русского народа нет оснований препятствовать самореализации татар! Вреда от нее им никакого, а польза великая. Ибо если «худой мир лучше войны», то дружба (не декларированная только, реальная) много лучше любой формы мира. Для всех!

Конечно, было бы куда как хорошо, если бы с этой инициативой выступила русская нация, как доминирующая, образ жизнедеятельности которой во многом определялся войнами, как правило, с ее стороны -агрессивными. Что было бы воспринято всей демократией не просто как жест доброй воли, а как знамение нового этапа в развитии Российского государства. Однако сегодняшнее мировоззрение православных иерархов и новоявленных «христиан» во власти не позволяет им мириться с народом, некогда потерпевшим от их предков поражение. За отсутствием победных дел сегодня они горазды праздновать бывшие и мнимые победы, заполнять свою историографию всякими небылицами. Достигнутые, пусть не столь значимые, но, тем не менее, некоторые успехи в федерализации государства в связи с перестройкой и реформами шаг за шагом перечеркиваются, норовя вернуться в унитарную систему. Как говорится, Бог им судья. Видимо, чтобы стало реальностью нами предлагаемое, надо ждать времени смены поколений, прихода к власти людей, способных к покаянию и к дружбе с другими народами как следствия смены господствующего класса новым классом. Сегодня же любая демократическая инициатива, даже воспринимаемая правительством, завершается созданием нового департамента; он укомплектовывается чиновниками, проваливающими дело, ради которого были наняты. Не потому, что они зловредны по определению. Нет, потому что такова бюрократическая система по определению.

Если правящей бюрократии России не будет угодно решение наших национальных проблем на выше предложенных началах, то надлежит выдвинуть требование перейти к конфедеративным отношениям. Неудовлетворение этого требования вынудит нас апеллировать к международной демократии - ее соответствующим правовым институтам. Полагаю, пришла пора понять, что хождение татарских мурз в кремлевские палаты с протянутой рукой всегда было, есть и будет малопродуктивно: «Москва слезам не верит». Тут дело обстоит примерно так, как сказано в мудрых русских пословицах: «На Бога надейся, да сам не плошай». Татар-

ский народ не желает быть быдлом во главе с вассальной бюрократией, помыкаемой кому не лень. Нам удалось сохраниться как нации, вопреки полутысячелетней государственной политике и практике нещадного угнетения. Но не для того, чтобы быть в вечности этнографическим материалом, непрерывно находящимся под великорусским дамокловым мечом, постоянно готовым к усекновению нашей древнейшей культуры, а вместе с ней и самой нации. Кричащие факты: превращение в одночасье почти поголовно грамотного нашего народа с тысячелетней письменностью на арабской графике в неграмотного переводом на латиницу в 1928 г., а в 1938 г. - та же процедура с переводом письменности на абсолютно фонетически несоответствующую нашему языку кириллицу, воспрепятствование возвращению письменности на латиницу в 90-е гг. XX в. - 2002 г.; дискредитация величайшего национального культурного наследия - народного эпоса «Идегей» (1944 г.). И что еще будет, если Кремлю удастся втянуть ведущие государства международной демократии в разыгрываемую им карту «исламского фактора» под флагом контртеррористической операции?!

К сожалению, оскудевший умом исламский мир (одни его составные, пресытившись богатством, другие - оголодавшие по причине вечной нищеты) уже много лет играет в поддавки с демократическим миром, регулярно поставляя его реакционным силам основания для обвинения во всех смертных грехах. И все-таки, я полагаю, что Москве не удастся разыграть указанную карту, во-первых, потому, что помешает «натура» ее правителей, «кровнородственная» «ирано-иракскому» исламу, категорически неприемлемому западной демократии. Последняя понимает, что русских реакционеров не устраивает «исламский фактор», мешающий их имперским амбициям, но они за «исламский фактор», препятствующий демократическим государствам пресекать фашистский (коммунофашист-ский) реваншизм. Есть надежда: «Бог не выдаст, свинья не съест». Во-вторых, если мы за дело возьмемся всерьез, как это некогда умели делать татары, поймем, что единству альтернативы нет, мы объединимся, соберем всю нацию под единым демократическим руководством. Тогда никому не удастся сыграть на расколе нации: держать нас в напряге, в ожидании очередной напасти от черносотенцев. Не поймет российское руководство - поймет мир.

Было время, когда наша нация достигала вершины совершенства и могущества, затем, в силу ряда исторических причин, утерянных. Сегодня пришло время возрождения бывшего величия, естественно, в современном понимании - в экономическом и культурном благополучии, в политической устойчивости. К всемирной интеграции народов, как глобальному акме, мы должны двигаться через достижение своего локального акме.

VII

BOOK REVIEWS КРИТИКА, ОБЗОРЫ, БИБЛИОГРАФИЯ

BOOK REVIEWS

КРИТИКА, ОБЗОРЫ, БИБЛИОГРАФИЯ

Michael Meeker

Department of Anthropology

University of California at San Diego

Sibel Bozdoğan. Modernism and Nation Building: Turkish Architectural Culture in the Early Republic. Studies in Modernity and National Identity Series. Seattle and London: University of Washington Press, 2001. xii + 367 pp. 240 illustrations, notes, bibliography, index.

ISBN 978-0-295-98152-9; \$60.00 (cloth),

ISBN 0-295-98110-5; \$30.00 (paper)

The founding of the Turkish Republic was for a long while told as a narrative of national modernization. A people and a country arose from the ruins of the Ottoman Empire following the Great War. Guided by a military leader who was also a political visionary, a nationalist movement brought an end to foreign occupation and implemented a revolutionary program of secular reforms. With the suppression of backward imperial traditions and the adoption of progressive national institutions, a democratic and prosperous future was secured.

Since the 1980s, narratives of national modernization have been viewed as twentieth-century mythologies, suitable for deconstruction. Does modernity refer to any specific set of ideas and practices? Or is it always an official fiction whose top-down programs feature inherent contradictions? And as an official fiction, to what extent is modernity implicated in tendentious oppositions, such as Westernism versus Orientalism, or, even, civilization versus barbarism? Questioning narratives of modernity has inevitably led to questioning its exemplars. The telling of the founding of the Turkish Republic has consequently become more contentious, but also more interesting.

Sibel Bozdoğan faces the conceptual disorder left in the wake of postmodernist critiques and arrives at a new, more precise, understanding of modernism and nation-building in Turkey. She does so by examining architectural modernism as a cultural vision employed as a

political instrument. Following the irregular course of architectural modernity in the early Turkish Republic, Bozdoğan exposes a drama of modernities, more than one and no less than three. And while each of these modernities made important contributions to nation-building, none was entirely coherent or enduring.

Bozdoğan introduces her study with a discussion of "modernity at the margins," a phrase that carries analytic rather than geographical meaning. Ideologies of modernity accompanied the industrialization of Western Europe and North America. So the commitment to modernity--constructing the future with a readiness to jettison the past--came in the company of impressive political, technological, and economic resources. Ideologies of modernity were no less current in the late Ottoman Empire and the early Turkish Republic. But for both entities, the commitment to modernity could only anticipate rather than mobilize an industrialized society. The crisis of representation that accompanies all ideologies of modernity was therefore more palpable and more destabilizing.

In the six chapters that follow the introduction, Bozdoğan examines three successive phases of architectural modernity in the early Turkish Republic: (1) The First National Style of the 1920s, (2) the New Architecture of the 1930s, and (3) the National Architecture of the 1940s. To provide some idea of the structure of the study, I shall give a summary description of the three phases, each of which featured a distinctive problematic of contrary forces.

The First National Style was at first an imperial architecture that only later became a national architecture (ch. 1). During the last decades of the nineteenth century, the Ottomans were refashioning the relationship of state and society. This process of imperial modernization had an important architectural dimension. New kinds of structures and spaces functioned both to implement and to represent the realignment of rulers and subjects. By the 1900s, Ottoman architecture had come to parallel Western architecture just as Ottoman statecraft had come to parallel Western statecraft. The Central Post Office at Sirkeci in Istanbul (1908) was the first major project of what came to be known as "Ottoman revivalism." The ferry stations at Beşiktaş (1913), Haydarpaşa (1915), and Büyükdada (1915) are other examples familiar to contemporary visitors to Istanbul. These buildings feature central domes, roof overhangs, pointed arches, and crystalline capitals. They cite the palaces and mosques of the classical imperial past

even as they anticipate a new imperial state and society. After the founding of the Turkish Republic, the First National Style perpetuated the architecture of Ottoman revivalism but gave it a new meaning. The nationalist movement had saved an imperial Muslim population from foreign conquest and occupation. An architecture that referenced classical palaces and mosques continued to be appropriate for national rather than imperial reasons of state. Examples of buildings in the First National Style include the Ankara Palas (Ankara, 1924-27), the Ethnography Museum (Ankara, 1925-28), and the Agricultural Bank (Ankara, 1926-29).

The advocates of an architecture of revolution began to challenge the First National Style during the later 1920s (chs. 2-5). Unlike Ottoman revivalism, this second phase of architectural modernity directly imitated, rather than indirectly complemented, Western architecture. During the 1920s and 1930s, Le Corbusier came to be associated with an architectural modernism that laid claim to "a revolutionary aesthetic canon" and "a scientific doctrine" (p. 4). The so-called Modern Movement, also associated with Walter Gropius and Mies van der Rohe, relied on the "use of reinforced concrete, steel, and glass, the primacy of cubic forms, geometric shapes, and Cartesian grids, and above all, the absence of decoration, stylistic motifs, traditional roofs, and ornamental details" (p. 4). In Turkey, the radicalism of the Modern Movement opened up the possibility of an architecture that refused to legitimize the imperial past. By the early 1930s, this New Architecture (as the Modern Movement came to be called) had assumed a dominant position in an architecture of revolution. Some of the familiar structures of this phase include the Youth Park (Ankara, 1935), the restaurant-casino at Çubuk Dam (Ankara, 1936), and the Faculty of Humanities (Ankara 1937-38). Other projects were launched in provincial towns as well as Istanbul and Ankara, including leisure parks, apartment blocks, private residences, villages, schools, institutes, banks, and factories.

The third phase of Turkish modernity arose as a reaction to an ideological inconsistency inherent in New Architecture. The esthetic of architectural modernism--cubic forms, geometric shapes, and minimal décor--had been the basis for a radical architecture of revolution; however, the formalism of the Modern Movement assumed a different significance as Turkey was exposed to fascist influences from Germany and Italy. Toward the close of the 1930s, the proponents of National

Architecture began to criticize the symbolic emptiness of "cubic architecture." They favored nationalistic decorative elements adapted from Anatolian, Selçuk, Ottoman, Hittite, and Sümerian styles and motifs. The buildings of the New Architecture, notable for their openness and lightness, became subjects of anathema. By the 1940s, a more classical architecture that aggrandized state power and authority had gained official favor. Examples from this period are the Faculty of Science of Ankara University (1943), the Hittite monument on Atatürk Boulevard in Ankara, the Memorial Tomb of Atatürk in Ankara (1942-55), and the Taşlık Coffee House in Istanbul (1948).

Bozdoğan approaches the three successive phases in terms of the personalities, studios, academies, manifestoes, propaganda, competitions, and projects that comprised them. Each modernity is examined as an uneven process of invention and application in a changing national and international environment. To illustrate the kinds of issues addressed, I shall offer examples taken from the analysis of the New Architecture during the 1930s. Of the four chapters devoted to this topic, two examine the way in which radical European modernism became an architecture of revolution in Turkey, and two describe the professionalization of architects and architecture in Turkey.

The New Architecture imported the Modern Movement into the Turkish Republic. Nonetheless, its cubic forms and geometric shapes came to have purposes and meanings that they did not have in France or Germany (ch. 2). The New Architecture was a vehicle for implementing and legitimizing nation-building. New kinds of structures and spaces were instruments for cultivating a new kind of public thinking and practice. At the same time, these structures and spaces also served as visual expressions of revolutionary ideals and material confirmations of revolutionary successes.

In a similar way, the relationship of architectural modernity with industrial society was transformed in the Turkish context (ch. 3). The New Architecture achieved the "look" of the Modern Movement by means of skills, methods, and materials available in an agrarian rather than an industrial society. Cubic forms and geometric shapes were constructed by means of brick and plaster facades rather than steel, concrete, and glass. Architectural modernity was a charter for a new industrial order rather than the harnessing of its power and wealth.

German, Swiss, and Austrian architects were appointed to carry out large state public projects from the later 1920s (ch. 4). These in-

cluded the Ankara master plan (Hermann Jansen, 1927) and the Grand National Assembly design (Clemenz Holzmeister, 1937). Germans, Swiss, and Austrian architects also directed the institutes that trained Turkish architects both inside and outside Turkey. The reception of European modernism together with the formation of professional architects and architecture passed through a German-speaking channel.

Since foreign architects were usually appointed to carry out large state projects, Turkish architects turned to the planning and construction of apartments, residences, and housing developments (ch. 5). In designing private dwellings, Turkish architects created domestic structures and spaces that re-configured the relationships of men and women as well as parents and children. Here again, architectural modernism featured inconsistencies. A new concept of individual independence and responsibility came in the company of architectural prescriptions of a domestic ideal.

Bozdoğan concludes with a retrospective comment on the high point in the drama of Turkish modernity. Many of the exemplary buildings of the New Architecture, she tells us, have been neglected or abandoned, and so have fallen into ruin. Somehow its cubic forms and geometric shapes never fully succeeded in capturing the hearts of the citizens of the Turkish Republic. But perhaps this study will open eyes, both inside and outside the country. Bozdoğan teaches us how to view a lost modernity that very much mattered even if it did not prevail. We are left with the thought that its most exemplary artifacts deserve no less careful attention than those of the classical imperial past.

Bozdoğan skillfully guides the reader through a large body of evidence, including photographs of buildings, design plans, wall posters, and magazine illustrations. The presentation of visual artifacts is consistently punctuated with concise but telling analyses that reference contemporary theorists of modernity.

СВЕДЕНИЯ О ПУБЛИКАЦИЯХ

И. Бороздин

Проблемы изучения материальной культуры тюркских народов СССР. Публикуется по: Східний Світ. – 1927. – Т. 2. – С. 159 – 165. Перевод с украинского к.и.н. М.В. Кирчанова.

Агдас Бурганов

Национально-культурная автономия татар в современных условиях. Печатается по разрешению Администрации Татарской Электронной Библиотеки. <http://kitap.net.ru> Адрес размещения материала: <http://kitap.net.ru/burganov5.php>

Н. Васильев

Дореволюционная чувашская литература. Публикуется по изданию: Васильев Н. Краткий очерк истории чувашской литературы / ред. И.Н. Бороздин. – М.: Центральное Издательство народов СССР, 1930. – С. 6 – 20. Орфография и особенности авторского стиля сохранены.

Н.З. Гаджиева

К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов. Публикуется по изданию: Гаджиева Н.З. К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов // Теоретические основы классификации языков мира. - М., 1980. С.100 - 126)

Кӓрчан Макӓмӓ

Советизация чувашского текста, формовка интеллектуалов (дискурсы литературного модерна в Чувашии в 1917 – 1930-е гг.). Публикуется впервые.

Ю.С.Худяков

Ирано-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии. Публикуется по: Худяков Ю.С. Ирано-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // <http://www.kyrgyz.ru>

Сєспєл Мїшшї

Настане час. З російської мови переклав М. Кирчанів. Публикується вперше.

Владімір Степанов

Змія. З російської мови переклав М. Кирчанів. Публикується вперше.

Michael Meeker

Sibel Bozdoğan. Modernism and Nation Building: Turkish Architectural Culture in the Early Republic. Studies in Modernity and National Identity Series. Seattle and London: University of Washington Press, 2001. xii + 367 pp. 240 illustrations, notes, bibliography, index. ISBN 978-0-295-98152-9; \$60.00 (cloth), ISBN 0-295-98110-5; \$30.00 (paper). The first on-line publication: [H-Turk](http://www.h-net.org/reviews/showrev.cgi?path=219661055482128) (April, 2003) Humanities & Social Sciences Online <http://www.h-net.org/reviews/showrev.cgi?path=219661055482128>

Arnold Reisman

The Story behind Story of Turkey's Modernization: refugees from Nazism and Atatürk's Vision. Публикується з розрешення автора. В Росії публікується вперше.

АВТОРАМ

ВОРОНЕЖСКИЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ ТЮРКСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВОРОНЕЖСКИЙ ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК»

Воронежский электронный журнал тюркских исследований «Воронежский тюркологический сборник» (далее: **Воронежский электронный журнал тюркских исследований**) - новый проект Научного общества (<http://nofmo.ucoz.ru>) Факультета международных отношений Воронежского государственного университета.

«Воронежский электронный журнал тюркских исследований» - междисциплинарный проект, который может в перспективе стать площадкой для развития тюркских исследований на широкой основе – от истории до современности, от политологии до международных отношений, от языкознания до литературоведения.

Планируется, что в рамках **«Воронежского электронного журнала тюркских исследований»** будут публиковаться статьи, посвященные как зарубежным тюркским народам, так и тюркским народам России.

«Воронежский электронный журнал тюркских исследований» принимает статьи на русском, украинском, английском или турецком языке. Возможны публикации и на других тюркских языках в том случае, если они будут сопровождаться резюме на одном из обозначенных выше языков.

Предполагается, что в рамках **«Воронежского электронного журнала тюркских исследований»** будут существовать следующие разделы:

«Статьи и исследования»
публикации результатов оригинальных исследований

«Из истории тюркских исследований»
публикации работ, посвященных истории, языкам и культуре, которые вышли в более ранний период и представляют в настоящее время библиографическую редкость

«Актуальная история тюркологии»
публикации тематически и локально сфокусированных работ 1990-х годов, посвященных различным аспектам тюркологических исследований

«Зарубежная тюркология»

публикации оригинальных статей и переводов работ зарубежных тюркологов

«Тюркские литературы»

публикации исследований, посвященных литературам тюркских народов; издание текстов на языке оригинала или в переводе на русский и украинский язык

«Komşuluk / Соседство»

статьи, посвященные проблемам истории и современного состояния отношений между тюрками и славянами, индо-иранцами, финно-уграми

«Тюркские языки»

публикация результатов исследований, посвященных тюркским языкам

«Рецензии, критика, библиография»

обзоры публикаций по тюркологии

«Научная жизнь»

сообщения о конференциях, семинарах и т.п.

Объем принимаемых материалов:

статьи (от 7 до 25 стр.),

рецензии (от 5 до 10 стр.),

обзоры (от 3 до 5 стр.)

сообщения (до 3 стр.)

Статьи, рецензии, материалы, сообщения для публикации принимаются до последнего числа текущего месяца.

Адрес для приема материалов: maksymkyrczaniw@rambler.ru
(Кирчанов Максим Валерьевич – преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения ВГУ)

Материалы журнала в формате PDF
размещаются на сайте <http://ejournals.pp.net.ua>

Научное общество
Факультета международных отношений
Воронежского государственного университета

Studia Türkologica
Воронежский тюркологический сборник

2007 / 2

На русском, украинском и английском языках.

Воронеж
2007

Оригинал-макет:
М.В. Кирчанов

Он-лайн версия:
<http://ejournals.pp.net.ua>

Московский пр-т, 88
Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений